

П О Л И Н А

ДАШКОВА

ЗОЛОТОЙ
ПЕСОК

Полина Дашкова

Золотой песок

«АСТ»

1999

Дашкова П. В.

Золотой песок / П. В. Дашкова — «АСТ», 1999

В биографии каждого человека всегда найдется свой «скелет в шкафу», а в биографии политика – тем более. И всегда найдется кто-то, кому будет интересно открыть этот «шкаф». У губернатора Синедольского края было все – деньги, власть, слава, – но ему захотелось большего: как известно, «денег много не бывает»; если есть власть, хочется властвовать; а слава – так чтобы всемирная... Но тут и открылся этот «шкаф со скелетом» под названием «Золото Желтого лога»...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Полина Дашкова

Золотой песок

Глава 1

Феденька сидел на полу, скрестив ноги и вывернув ступни вверх. Обритая голова его была запрокинута, голубые прозрачные глаза не мигая глядели в потолок. Он слегка раскачивался, и казалось, что-то гудит и вибрирует у него внутри.

– Омм... омм... – Губы почти не двигались, звук исходил из глубины живота.

Год назад это бесконечное «омм» звучало тоненько, голос был еще детский, а теперь начал ломаться. Феденька подрос, над верхней губой темнел пушок, на лбу появилось несколько мелких прыщиков. Подростковый басок напоминал звук урчащего моторчика.

– Здравствуй, сынок, – сказал Иван Павлович и попытался улыбнуться.

Ребенок продолжал мычать и покачиваться.

– Феденька, здравствуй, – повторил Иван Павлович погромче и, поймав выжидательный взгляд врача, вытащил бумажник.

– Не напрягайтесь. Он вас все равно не видит и не слышит, – напомнил врач и быстро убрал купюру в карман халата, – только, пожалуйста, недолго. А то в прошлый раз у меня были неприятности.

Еще одна купюра нырнула к доктору в карман.

– Можно, я побуду с ним вдвоем?

– Ни в коем случае.

– У меня больше нет с собой денег, простите. В следующий раз я компенсирую...

– Не в этом дело, – поморщился доктор. – Послушайте, а вы не больны? Вы плохо выглядите. Похудели.

Иван Павлович и правда выглядел плохо. Пять минут назад, мельком взглянув на себя в зеркало в больничном вестибюле, он заметил, что тени под глазами стали глубже и черней. Он каждый раз отмечал что-то новое, встречаясь со своим отражением именно в этом зеркале. То ли свет в больничном вестибюле слишком резкий, то ли расположение теней как-то особенно беспощадно подчеркивало страшную худобу.

Лицо его все больше походило на череп. Совершенно лысая голова. Провалы щек, провалы глаз. Лучше отвернуться и не глядеть, проскользнуть мимо предательски ясного стекла.

– Да, я неважно себя чувствую, – кивнул он доктору, – давление, магнитные бури.

– Ну хорошо, я выйду, покурю, – сжалился тот.

– Спасибо. Я компенсирую, – прошептал Иван Павлович в белую спину.

Дверь закрылась.

– Ну как ты, сынок? – Он присел на корточки и провел ладонью по теплой бритой голове.

– Омм... омм...

– Врач сказал, ты не ешь ничего. Разве приятно, когда тебя кормят насильно? Надо есть, Феденька. Мясо, фрукты, витамины. Я все принес. Ты ведь растешь. Ты скоро станешь мужчиной и должен быть сильным.

Феденька перестал качаться. Голова его медленно опустилась. Подбородок уперся в грудь. Распахнулся ворот больничной сорочки, обнажив черную татуировку чуть ниже ключичной ямки. Перевернутая пятиконечная звезда, вписанная в круг. Кожа вокруг пентаграммы постоянно краснела и воспалялась, хотя рисунок был нанесен очень давно, почти пять лет назад.

– Скажи мне что-нибудь, сынок.

Глаза мальчика затянулись матовой пленкой, как у спящей птицы. Урчащий звук затих. Егоров попытался расплести намертво стиснутые в причудливый крендель худые ноги сына и вспомнил, как впервые Феденьке удалось сесть в эту позу – в позу лотоса.

Мальчик старательно выворачивал пятки, краснел и потел. А напротив него, на вытертом коврикe, сидели его мать, старший брат и еще два десятка людей. На всех были какие-то простыни, все выворачивали босые ступни к потолку, раскачивались и повторяли жуткий вибрирующий звук:

– Омм... омм...

Иван Павлович застыл на пороге. Сначала он готов был рассмеяться. Взрослые люди, закутанные в простыни, сидящие кружком и мычащие, как стадо недоенных коров, выглядели по-дурацки. Но стоило приглядеться внимательней, и охота смеяться пропала. Их лица были похожи на гипсовые маски. Глаза намертво застыли. Гул многих голосов, мужских, женских, детских, как густой ядовитый газ, расползлся по залу, по обыкновенному физкультурному залу обыкновенной московской школы.

За высокими решетчатыми окнами был черный декабрьский вечер. Школьные занятия давно кончились. Вечерами предприимчивый директор сдавал помещение физкультурного зала группе, которая называлась «Здоровая семья». Гимнастика, йога, опыт рационального питания, путь к духовному и физическому совершенству. Занятия были бесплатными и проводились три раза в неделю, с шести до девяти.

Егорова не сразу заметили. А он едва узнал жену и сыновей в этом мычащем кругу. Первым бросился в глаза Феденька. Детское лицо еще не утратило нормальной человеческой мимики. Мальчик морщился, пытаясь положить вывернутые ступни на согнутые колени. Короткая челка слиплась от пота.

– Феденька, сынок! – негромко позвал Иван Павлович. Именно в этот момент детские ноги сплелись наконец в правильный крендель.

– Получилось! – радостно произнес ребенок и присоединился к общему хору, стал мерно раскачиваться и повторять «омм» вместе с остальными.

В центре широкого круга сидел пожилой бритоголовый азиат в набедренной повязке. На голой безволосой груди красовалась черная пентаграмма, перевернутая пятиконечная звезда, вписанная в круг. Узкие глаза уперлись в лицо, и Егоров почувствовал, как этот взгляд жжет кожу, но не поверил, потому что так не бывает – чтобы человеческий взгляд на расстоянии десяти метров обжигал, словно крепкая кислота.

– Что за чертовщина? – громко произнес Иван Павлович и решительно шагнул вперед, к мычащему кругу, чтобы вытащить из него жену и детей.

Азиат не сказал ни слова, но, вероятно, подал знак, потому что кто-то оказался позади Егорова, профессиональным приемом стиснул его предплечья, вывернул руки и не давал шевельнуться. Иван Павлович попытался вырваться.

– В чем дело? Отпустите сию же минуту!

Тогда, пять лет назад, Иван Павлович был очень сильным. Он любого мог уложить на обе лопатки. Рост метр девяносто, вес девяносто килограмм, причем ни грамма жира, только мускулы. Но тот, сзади, оказался значительно сильнее.

– Оксана! Славик! Феденька! – Егоров выкрикнул имена своей жены и двух детей, но они не слышали. Никто в этом зале его не слышал. Крик тонул в мычании двух десятков голосов. Егоров пытался вырваться, не мог понять, сколько человек у него за спиной. Сначала показалось, двое. Один продолжал держать, другой ребром ладони саданул по шее. Это был очень ловкий, профессиональный удар. Егоров почти потерял сознание от боли, рванулся из последних сил и успел заметить, что держит и бьет один человек. Бритоголовая огромная баба в черных джинсах и черном глухом свитере. От нее нестерпимо воняло потом. Он не разглядел

лица, увидел только, что в ухе у черной богатырки болтается серьга – крест. Обыкновенный православный крест, но перевернутый вверх ногами.

Она ударила в третий раз. Он весь превратился в комок боли. Не было ни рук, ни ног. Перед глазами заплескались звезды, громко запульсировали барабанные перепонки. Так бывает при резких перепадах давления, когда самолет меняет высоту или проваливается в воздушные ямы. Все это длилось не больше минуты. Потом стало темно.

Он открыл глаза и обнаружил, что сидит на лавочке в школьном дворе и не может пошевелиться. Летчицкая синяя шинель была застегнута на все пуговицы. Форменный белый шарф аккуратно заправлен, на голове фуражка. Он отчетливо помнил, что перед тем, как войти в зал, расстегнул шинель, снял фуражку и держал ее в руке.

Егоров поднял руку, и показалось, что она весит не меньше пуда. Он зачерпнул горсть колючего грязного снега, протер лицо и скрипнул зубами от боли. Кожа на лице саднила, словно ее драли наждаком. Но этого не могло быть. Азиат только смотрел, не прикасался, даже не приблизился ни на шаг, всего лишь бровью повел. Злость и удивление помогли Егорову окончательно прийти в себя. Он сумел встать на ноги.

Здание школы оказалось запертым. В полуподвальных зарешеченных окнах физкультурного зала было темно. Он обошел здание со всех сторон. Мертвая тишина. Ни души вокруг. Он догадался взглянуть на часы. Была полночь.

Жена и дети мирно спали дома в своих кроватях. Он взглянул в зеркало и обнаружил, что кожа на лице красная и воспаленная. Но на шее под ухом не было никакого следа, даже легкого синяка.

– А, Ванечка, ты уже вернулся? – сонным голосом спросила Оксана, когда он сел на кровать и провел рукой по ее волосам.

– Где вы были сегодня вечером?

– На занятиях, в группе. Ты же знаешь...

– Я приходил к вам. Вы не видели и не слышали меня. Вы там все как будто оглохли и ослепли. Вы были как мертвые. Оксана, проснись наконец. Меня избили и вышвырнули оттуда, как котенка.

– Да что ты говоришь, милый мой, любимый, хороший... – Не открывая глаз, она засмеялась совершенно чужим, грудным и глубоким русалочьим смехом, притянула его к себе за шею, зажала ему рот своими мягкими теплыми губами и стала ловко расстегивать пуговицы его рубашки.

Егоров прожил с женой четырнадцать лет, он знал наизусть каждую складочку ее тела. Все ее движения, звук голоса, ритм дыхания были ему знакомы не хуже, чем свои собственные. Но сейчас его целовала в губы, снимала с него одежду совсем другая, незнакомая женщина.

Его Оксана, его тихая, застенчивая жена, которая стеснялась слишком бурного проявления чувств даже в самые отчаянные моменты близости, боялась разбудить детей, переживала, что скрипит кровать, превратилась вдруг в ненасытную, бесстыдную, многоопытную фурию.

Где, когда, с кем успела этому научиться? У нее стали другие руки, другое тело, другие губы. Даже запах изменился. Вместо привычного аромата яблочного шампуня и легкой туалетной воды от ее кожи исходил приторный тяжелый дух то ли розового масла, то ли мускатного ореха. Она бормотала и выкрикивала безумные непристойности. Это была смесь густой матерщины и каких-то непонятных слов, похожих на колдовские заклинания из детских сказок.

– Пробуждаются силы, которые раньше дремали, – спокойно объяснила она утром, – разве тебе не понравилось?

– Кто тебя научил? – мрачно поинтересовался Егоров.

Она рассмеялась в ответ все тем же чужим, утробным, глуховатым смехом.

– Чтобы такому научиться, годы нужны. Нет, не годы, тысячелетия. Генная память. Особая энергетика, которая раскрывается только у избранных, высших существ. Во мне проснулся лучезарный и свободный дух великой Майи.

– Какая такая Майя? Что ты плетешь, Оксана?

– Майя есть великая шакти, мать творения, содержащая в своем чреве изначальное яйцо, объемлющее всю Вселенную, совокупную духу великого отца. Посредством вибрации танца жизни энергия Майи наполняет иллюзорную материю...

Тоненький Оксанин голосок с неистребимым днепропетровским акцентом старательно выводил эту соловьиную трель. Егоров не выдержал и шарахнул кулаком по столу.

– Хватит!

– Не кричи, Иван. И оставь в покое стол. Ты перебьешь всю посуду. Послезавтра ты пойдешь с нами на занятия. А то у тебя, миленький, силенок-то маловато. Не заметил? – она подмигнула и опять засмеялась, как пьяная русалка.

– Вы больше туда не пойдете. Ни ты, ни дети.

– Неужели тебе ночью не понравилось? Ладно, давай повторим, чтобы ты понял. – Она распахнула свой нейлоновый стеганный халатик, под которым ничего не было, и пошла на него. Она часто, хрипло дышала, и вблизи ее сумеречная улыбка показалась Егорову мертвым оскалом.

Прошло пять лет, а он так ясно помнил ту декабрьскую ночь и темное ледяное утро, словно прожил этот короткий временной отрезок не единожды, а сто раз. Именно тогда все и началось. Для него, во всяком случае. Для жены и детей все началось раньше.

Оксаны и Славика уже, вероятно, нет на свете. Федя уцелел, пережил клиническую смерть, успел испытать на себе все виды психиатрического лечения, от аминазина и электрошока до гипноза. Врачи ничего не обещали, многозначительно хмурились, не могли договориться насчет точного диагноза. Егоров перестал их слушать. Он им больше не верил. Он держал Федю в больнице только потому, что пока не имел возможности обеспечить мальчику надлежащий уход дома.

– Феденька, ты помнишь Синедольск? Мы летали туда, когда ты был совсем маленький. Бабушку помнишь?

Мальчик дернул головой, и Егорову на миг почудилось, что он кивает в ответ.

– Тебе как раз исполнилось три. Мы там отпраздновали твой день рождения, вместе с бабушкой. Она тебе грузовик подарила, такой здоровый, что ты мог сам уместиться в кузове.

Федя застыл на миг, и опять Ивану Павловичу показалось, что сын его слышит и понимает.

– Ты потерпи еще немного, сынок, скоро все будет хорошо, – говорил он и пытался расцепить сплетенные кренделем ноги ребенка. – Я увезу тебя отсюда, мы поселимся где-нибудь далеко, где чистый воздух, сосновый лес, речка с прозрачной водой. Ты будешь пить парное молоко, и постепенно тебе станет лучше.

Егоров каждый раз бормотал одни и те же слова про чистый воздух и парное молоко, каждый раз упорно пытался расцепить ноги мальчика, расслабить сведенные судорогой мышцы и боялся сделать ему больно, хотя знал, что боли Феденька не чувствует.

– Не надо, не мучайтесь, – услышал он за спиной голос доктора и вздрогнул. Тот вошел совсем тихо и уже несколько минут молча стоял, наблюдал за его тщетными попытками.

– Только укол поможет, снимет судорогу. Сейчас придет сестра и уколует его. А вам пора. Всего доброго.

Егоров вышел из больницы с легким сердцем. В последние дни ему вообще стало значительно легче. Вопреки скептической ухмылке лечащего врача, вопреки пустым бессмыслен-

ным глазам сына, в нем жила теперь упрямая злая надежда. Она была связана вовсе не с домиком у чистой речки, не с парным молоком.

* * *

Звонок был междугородний. Никита Ракитин не спеша вылез из ванны, накинул халат, подошел к аппарату, но трубку взял не сразу. Очень не хотелось.

– Привет, писатель Виктор Годунов. Почему трубку не берешь? – произнес начальственный глуховатый баритон.

– Я был в ванной.

– Ну, тогда с легким паром. Как работа продвигается?

– Нормально.

– Как здоровье? Не болеешь?

– Стараюсь.

– А что смурной такой?

– Почему смурной? Просто сонный.

– Я слышал, ты собрался в Турцию лететь на неделю.

– Собрался. И что?

– Почему не предупредил?

– Разве я должен? И потом, ты ведь все равно сам узнал.

– Ну вообще-то неплохо было бы поставить меня в известность. Просто из вежливости. Но я не обижаюсь. Отдохни, если устал. А дочку почему не берешь?

– У нее еще каникулы не начались.

– Понятно. Ну взял бы тогда эту свою журналисточку. Как ее? Татьяна Владимирова? Кстати, девочка прелесть. Видел недавно по телевизору в какой-то молодежной программе. Беленькая такая, стриженная. У тебя с ней как, серьезно?

– Прости, я что, об этом тоже обязан тебе докладывать? – вяло поинтересовался Никита и скорчил при этом самому себе в зеркале отвратительную рожу.

– Ладно, старичок, не заводись. Это я так, по-дружески спросил, из мужского любопытства. Главное, чтобы твоя личная жизнь не мешала работе.

Никита брезгливо дернул плечом. Он вдруг ясно представил, как его собеседник похлопал бы его сейчас по плечу. Он всегда, обращаясь к кому-либо «старичок», похлопывал по плечу, этак ободряюще, по-свойски. Хорошо, что их разделяет несколько сотен километров.

– Не волнуйся, не мешает, – успокоил собеседника Никита и зевнул так, чтобы это было слышно в трубке.

– Ну и хорошо, – собеседник кашлянул, – на какой ты сейчас странице?

– На двести пятнадцатой. Устраивает?

– Вполне. Я, собственно, только это и хотел узнать. Не терпится целиком все прочитать, от начала до конца. Ладно, старичок, отдыхай на здоровье и со свежими силами за работу. Значит, помощь моя пока не требуется?

– Нет, спасибо. Материала вполне достаточно.

– Отличненько. А рейс когда у тебя?

– Сегодня ночью.

– Так, может, распорядиться, чтобы машину прислали?

– Спасибо. Я как-нибудь сам.

– Да, еще хотел спросить, чего такой дешевый тур купил? Фирма какая-то завалящая, отель трехзвездочный. Ты все-таки известный писатель, а отдыхать отправляешься, как какой-нибудь жалкий «челнок».

– «Челноки» туда ездят работать, а не отдыхать. А трехзвездочные отели бывают вполне приличными.

– Да? Ну, не знаю. Тебе видней. Как вернешься, звони.

– Непременно позвоню. Будь здоров.

Никита положил трубку, включил чайник, закурил у открытого кухонного окна. Вряд ли за этим звонком последует еще одна проверка. Теперь целую неделю его трогать не будут. Тур куплен, деньги заплачены, даже известно сколько. Тур действительно самый дешевый. Наверное, отель дрянной, пляж далеко, море грязное. Но какая разница?

У него оставалось два часа. Он налил себе чаю, вставил кассету в маленький диктофон, надел наушники.

– Я всегда хотел быть первым, – зазвучал на пленке тот же глуховатый начальственный баритон. – У меня было такое чувство, что я все могу, все умею, и, если у кого-то получалось лучше, я готов был в лепешку разбиться, лишь бы переплюнуть. Я с детства пытался доказать свое право, другим и себе самому, это тяжело, старичок, ты даже представить не можешь, как тяжело.

Полтора месяца назад, когда велась запись, за словом «старичок», как по команде, последовало похлопывание по плечу.

– Право на что? – услышал Никита свой собственный голос.

– На жизнь. На достойную, настоящую жизнь. На власть, если хочешь.

– Власть над кем?

– Над другими. Над всеми. Мне, понимаешь ли, это было как бы дано, но не до конца. Я ведь незаконнорожденный.

– Разве в наше время это важно?

– Смотря для кого. Отец мой был из самой что ни на есть партийной элиты. Белая кость.

– Да, это я слышал. Ты рассказывал много раз.

– Нет, старичок, погоди. Я много раз другое рассказывал. Молодой был, глупый.

– Привирал? – уточнил Никита с пониманием, без всякой усмешки.

– Ну, с кем не бывает. Привирал по молодости лет. Впрочем, про отца все чистая правда.

А вот мама...

– Ты говорил, она у тебя врачом была, физиотерапевтом, что ли?

– Надо же, какая у тебя память, старичок. Не ожидал, честно говоря. – В голосе собеседника явственно прозвучало удивление и даже некоторое разочарование. Или настороженность? В общем, было слышно, как ему не понравилось, что у Никиты хорошая память. Он молчал довольно долго. Судя по тихому щелканью зажигалки, прикуривал, потом произнес задумчиво: – Разве я мог в твоём доме, при твоих интеллектуалах-родителях и всяких строгих бабушках рассказывать, что мама моя была банная официанточка?

– А почему бы и нет?

– Да потому... Это сейчас я не стесняюсь, время другое, и роли у нас с тобой изменились. А правда, Ракитин, смотри, как изменились у нас с тобой роли. Мог ли я тогда, двадцать лет назад, представить, что ты, Ракитин, будешь излагать для потомков мою скромную биографию? Мне ведь всегда хотелось написать книгу. И сумел бы, между прочим. Эх, было бы у меня свободное время, я бы не хуже тебя написал, старичок. – На этот раз вместо похлопывания по плечу последовало лукавое подмигивание.

– Ну так что же ты ко мне обратился? – тихо спросил Никита.

– Я ж объясняю – времени нет. Как говорится, каждому свое. Я политику делаю, ты книги пишешь. Тебе деньги сейчас нужны позарез, так сказать, вопрос жизни и смерти. Вот я и решил дать тебе заработать. Доброе ведь дело? Доброе. А мне нужна качественная биография, и я не хочу, чтобы кропал ее какой-нибудь безымянный журналистишка. Книгу про меня напишет настоящий писатель. Известный. Профессиональный. Я могу заплатить, а ты уж, будь любезен,

добросовестно меня обслужи. – Опять последовал здоровый раскатистый смех, и потом, уже серьезно, собеседник произнес: – Не обижайся, старичок. Шучу.

– Я оценил твой юмор. Слушай, а почему же тогда такая страшная секретность? Почему никто не должен знать, над чем я сейчас работаю?

– Хочу, чтобы это был сюрприз для широкой общественности. Представляешь, какой это будет сюрприз, какая бомба?!

– Ладно, – произнес Никита задумчиво, – будет тебе бомба. – И подумал: «Хитришь ты, старичок. Ты бы с удовольствием организовал широкую рекламную кампанию и рассветил на весь свет, что писатель Виктор Годунов отложил все свои творческие замыслы и занят работой над книгой о тебе, драгоценном, потому что твоя биография куда интересней любых смелых фантазий писателя Годунова. Но ты наступил на горло собственной песне и держишь наш с тобой творческий союз в тайне из-за того, что боишься: вдруг узнает об этом один человек? Самый важный для тебя человек. Твоя жена. Ей вовсе не понравится, что я тебя, как ты выразился, „обслуживаю“, и начнет она задавать тебе массу ненужных вопросов, которые могут привести к глубоким семейным разногласиям, а еще, чего доброго, поставит условие, чтобы обслуживал тебя кто-то другой. Кто угодно – только не писатель Годунов. Конечно, потом она все равно узнает. Но книга будет уже написана...»

– Так что там у нас с мамой? – спросил он, закуривая.

– Что с мамой? Официанточка. Знаешь, из тех, которые в кружевных передничках с подносом в предбанник заходят: «Петр Иванович, чайку не желаете?» А кроме передничка, на ней ничего. Ну разве бантик какой-нибудь в прическе. Так вот и был я зачат, в банном поту, за самоваром. Номенклатурная полукровка.

– Может, мы так и назовем книгу?

На пленке послышался раскатистый здоровый смех. Никита отлично помнил, как, отсмеявшись, собеседник уставился на него совершенно стеклянными злыми глазами.

– Это, старичок, не повод для шуток. Это боль моя.

Послышался легкий щелчок. Он разжигал свою потухшую сигарету, потом стал ходить по комнате из угла в угол. Пленка запечатлела звук его тяжелых, мягких шагов.

– При Хруще папа мой сидел смирно, занимал непыльную должностенку в крайкоме. Я, ты знаешь, пятьдесят седьмого. В шестьдесят четвертом, когда скинули Хруща, партаппарат стало трясти. Моего папу вынесло наверх, засветила ему должность первого секретаря, и тут какая-то сука возьми и стукни на него самому Леониду Ильичу, мол, с моральным обликом у этого коммуниста не все ладно. Есть у него побочный сынок от банной девочки. Рассчитывали на семейственность Леонида Ильича, думали, он осудит такой открытый разврат. А получилось наоборот. Брежнев сказал: «У мужика сердце широкое, гулять-то все гуляют, но есть такие, которые потом от детей своих отказываются. А этот признал сына. Хороший человек». И тут же, за банкетным столом, в охотничьем домике, был мой папа утвержден первым секретарем Синедольского крайкома партии.

– Брежнев именно так и сказал? – спросил Никита.

– Ну, примерно. Там ведь, в охотничьем домике, не было ни диктофона, ни стенографистки. В общем, одно ясно. Своим возвышением папа обязан мне. И он об этом не забывал до конца дней. К тому же мой сводный братец, единственный его законный наследник, начал здорово пить. Ему уже стукнуло двадцать пять. Ни учиться, ни работать не желал. Баб менял, из Сочи не вылезал. И вечные скандалы, то витрину в ресторане разобьет, то на глазах у всех какой-нибудь провинциальной актрисушке под юбку полезет. А однажды в Москве, в Доме работников искусств, взял и помочился в рояль.

– Что с ним стало потом? – перебил Никита.

– С кем? С роялем? – Собеседник опять разразился здоровым смехом. – Вот это, кстати, ты не забудь включить, – наставительно произнес он, отсмеявшись, – очень характерная деталь.

– Непременно, – отозвался Никита, – что стало с роялем, понятно. А сводный брат?

– Ну, тоже понятно. Спился. Сидит в дорогой психушке, маленьких зелененьких крокодильчиков ловит, – последовал легкий смешок, потом голос стал серьезным и задумчивым, – а вообще, старичок, над семейной историей придется подумать. Здесь начинается самое трудное. Кто был мой папа, знает весь край. Врать нельзя. Но всю правду писать тоже нельзя. Красивого там мало. Ему тогда подвалило к пятидесяти, а маме едва исполнилось восемнадцать. Он, конечно, был добрый человек, заботился о нас. Мама ни в чем не нуждалась, я ходил в лучшие ясли, в лучший детский сад. Однако номенклатурные дети из высшего эшелона садов-яслей не знали. Дома росли, с нянями, гувернантками. В яслях-садах со мной были дети приближенной челяди. Шоферов, горничных, садовников, охраны. Хотя, с другой стороны, я им не совсем ровня. И сразу, с пеленок, чувствовал это.

– А каким образом ты это чувствовал?

– Всем нутром. Душой. Шкурой своей. Вот каким образом, – повысил голос собеседник, – в школу я уже пошел как незаконный сын короля края. Принц по рождению, но и челядь по судьбе. Вот тебе, писатель Годунов, жизненная драма. Вот противоречие, которое я преодолел в себе и в других с самого нежного возраста.

– Это очень интересно, – медленно произнес Никита, – но ты можешь привести хотя бы несколько примеров, как именно ты преодолевал это противоречие?

– Примеры тебе нужны? Ладно, давай попробую вспомнить. Как-то в четвертом классе мы с пацанами курили во дворе школы. А тут директриса идет. Школа была лучшая в крае, закрытая. Почти всех детей привозили и увозили черные «Волги». У ворот охрана. При физкультурном зале бассейн со стеклянным куполом. На завтрак икорка, ананасы. Но при этом все очень строго. Почти военная дисциплина. Так вот, идет директриса, зверь-баба, генерал в юбке. Все успели быстренько папироски загасить, а один, не помню, как звали, сунул от испуга горящий окурочек в задний карман штанов. Сам понимаешь, что было. Потерпел всего минуту и завопил, будто режут его. Потом мы поспорили, можно ли терпеть такую боль и не орать. Это моя была идея – бычки об руки тушить. Кто больше выдержит.

– Ну и кто же?

– Я, разумеется.

Никита помнил, как при этих словах собеседник показал ему левую кисть. На тыльной стороне было пять аккуратных круглых шрамов размером со старую копейку.

– Уже лучше. – Собственный голос на пленке казался ему сейчас слишком хриплым и растерянным. Ничего, плевать. Собеседник все равно слышал только себя. – Ну а еще что-нибудь?

– Что ж тебе еще? – Он долго, напряженно думал, морщил лоб, наконец пробормотал: – Да вот, пожалуй, история со старым золотым прииском, – и вдруг запнулся, закашлялся, даже почудилось, будто испугался чего-то. – Нет, это неинтересно.

– Почему? Про золотой прииск очень интересно. Я как раз хотел спросить, каким образом ты сколотил свой изначальный капитал? Ты не пользовался бандитскими подачками, как другие. А политику без денег не сделаешь. Мы ведь никуда не денемся в книге от этого вопроса.

– Ну правильно, не денемся. Про деньги всегда интересно. Но пока мы с тобой о детстве говорим. О маме с папой.

– А золотой прииск?

– Да ну, фигня, получится слишком уж красиво. Прямо как у Джека Лондона. И к изначальному капиталу ни малейшего отношения не имеет.

– Тогда тем более расскажи. Это мое дело, как получится. Ты расскажи.

Перед Никитой отчетливо встало напряженное, сосредоточенное лицо. Собеседник понял, что совершил большую ошибку, обмолвившись о прииске, он очень жалел, что сорва-

лось с языка нечто лишнее. Вероятно, имелись у него серьезные причины корить себя за болтливость.

Полтора месяца назад, когда велась запись, Никита еще не мог себе представить, насколько серьезны были причины.

Через час он поймал такси и отправился к Тане. У нее пробыл не больше получаса, выпил чашку крепкого кофе. В аэропорт Таня отвезла его на своем стареньком «Москвиче».

– Отель дрянной, внизу наверняка каждый вечер дискотека орет или вообще публичный дом, – сказала она, целуя его на прощание.

– пляж далеко, море грязное, – добавил он.

– Но какая тебе разница? – Она улыбнулась и быстро перекрестила его.

Ему и правда не было никакой разницы, потому что летел он вовсе не в Турцию, а в Западную Сибирь. Он не знал, правильно ли поступает, сомневался, будет ли толк от этой хлопотной дорогой поездки. Одно он знал точно: если он прав и едет не напрасно, то вряд ли вернется живым.

Глава 2

Выстрелы прозвучали тихо. Казалось, они должны были разорваться громом в московской майской ночи. Но никакого грома, просто несколько сухих хлопков. А потом звон разбитого витринного стекла, визг магазинной сигнализации и вой милицейской сирены.

Качнувшись, рухнул манекен мужского пола, лысая задумчивая кукла в спортивном костюме фирмы «Адидас». Ему прострелили гуттаперчевые ноги.

Патрульный «Мерседес» сел на хвост черному джипу. Если бы не эта патрульная машина, джип непременно притормозил бы. Не хватало контрольного выстрела. Но милицейский «Мерседес» выскочил из-за поворота, тут же врубилась сирена, и тормозить уже не стоило.

Джип несся по пустому Ленинградскому проспекту со скоростью сто двадцать. Старший лейтенант вызвал по рации оперативников и «скорую» к магазину «Спорт».

– У нас там что? Труп? – поинтересовался младший лейтенант, сидевший за рулем.

– Не болтай. Уйдут, – рявкнул на него старший.

Джип действительно уходил. Красиво улетал, как тяжелая квадратная птица. Колеса едва касались мокрого асфальта трассы. У метро «Сокол» перед постом ГАИ он с визгом свернул в переулок. Там был сложный перекресток. Дорога расходилась сразу в три стороны. Когда через полминуты милицейский «Мерседес» свернул следом, переулок был пуст.

– Черный джип без номерных знаков, – сообщил в переговорное устройство старший лейтенант, – в салоне трое...

Через пять минут возле разбитой витрины спортивного магазина остановились две машины. Врач и фельдшер выскочили из микрика «скорой», оперативники из своего микрика. Все устремились к человеку, неподвижно лежащему на асфальте. Он был засыпан битым стеклом. Врач присел на корточки и тут же поднялся, оглядел присутствующих и с усмешкой спросил:

– А где труп-то, ребята? Трупа нет никакого.

На асфальте лежал манекен мужского пола в спортивном костюме, выпавший из разбитой витрины.

«Скорая» умчалась. Оперативники, осматривая место происшествия, обнаружили четыре стреляные гильзы от автомата импортного производства, свежий окурок сигареты «Честерфилд» и ничего больше, кроме обычного уличного сора под грудой битого стекла.

* * *

Телефон надрывался уже минут пять. Вероника Сергеевна протянула руку, нащупала на тумбочке у кровати тренькающий сотовый аппарат.

– Вы знаете, который час? Половина пятого утра. Он спит. Я понимаю, что из Москвы... – Она хотела нажать кнопку отбоя, но муж вскочил как ошпаренный, выхватил у нее телефон, бросился вон из комнаты, в темноте шарахнулся лбом о притолоку.

– Ч-черт... Да. Я. В чем дело?

Ника тяжело вздохнула, отвернулась к стене и тихо проворчала:

– Совсем с ума сошли. Не могут до утра подождать.

Из соседней комнаты несся хриплый баритон ее мужа. Он не кричал, старался говорить тише, но по интонации, по легкой одышке она сразу почувствовала, как сильно он нервничает.

– Что-о? Придурки... Пусть домой к нему дуют. Машину сменить. Быстро... Твои трудности... Нет... Проблема должна быть решена до инаугурации... Как хочешь... Все. – Он нажал кнопку отбоя.

Ника села на кровати и зажгла маленькое бра.

– Гришенька, что случилось?

– Все нормально, Ника. Спи, – сказал он, появившись на пороге спальни. Она заметила, что лицо его стало красным, влажным от пота. На лбу проступила резкая лиловая вмятина. Завтра будет здоровенная шишка.

– Подожди, надо лед приложить. – Ника встала, накинула халат, отправилась на кухню.

– Ника, не надо, иди спать, – тусклым, безразличным голосом произнес Гриша и, тяжело ступая, поплелся за ней, – лед не поможет.

– Гришаня, ну что с тобой? Что за дурацкие ночные звонки? Почему ты так занервничал?

К кому надо «дуть домой», сменив машину?

– Ника, это совершенно неинтересно.

– В Москве без пятнадцати четыре утра. Мне просто жалко человека, к которому твои ночные хамы сейчас дуют домой, – она улыбнулась и пожала плечами, – прямо какие-то бандитские страсти.

Он стоял совсем близко. Глаза у него были красные, воспаленные. Зрачки быстро-быстро двигались, бегали туда-сюда. Она взяла в ладони его лицо, ласково провела пальцами по небри-той влажной щеке, осторожно прикоснулась губами к ушибленному месту.

– Больно?

– Что? – переспросил он, словно опомнившись. – А, да, немного.

– Тоже мне, господин губернатор, хозяин края с шишкой на лбу. – Она открыла морозилку, выбила из ячейки кубик льда. – У тебя завтра с утра австралийские фермеры, днем митинг на комбинате, вечером американский сенатор прилетает. И все будут с интересом рассматривать твою шишку, наверняка найдется репортеришка, который снимет крупным планом, а потом выйдет заметка, что губернатору Синедольского края кто-то здорово дал по лбу.

– Плевать. Ты мне гримом замажешь.

– Попробую, – кивнула Ника, оборачивая кубик льда носовым платком. – Гришань, можно, я не поеду встречать сенатора? Как его зовут? Доули? Даунли?

– Ричард Мак-Дендли.

– Ну да, правильно. Он принимал нас в Колорадо полтора года назад. Рыхлый такой, с женским голосом.

– Нет, Ника. Ты должна. Он будет с супругой. А потом торжественный концерт и ужин. – Он опустил на стул, подставил лоб, она приложила к ушибу ледяной компресс.

– Ладно. Так и быть. Сенатора с супругой придется встретить. А что все-таки произошло?

Она чувствовала: не надо больше ни о чем спрашивать. Правды он все равно не скажет, сейчас сидит, прикрыв глаза, и лихорадочно выдумывает какое-нибудь достоверное объяснение. Она никогда не лезла в дела мужа. Но ей очень не понравился этот ночной звонок, не понравился тон, каким Гриша говорил, и слова, и красное лицо в испарине, и бегающие глаза.

– Хватит, – он отстранил ее руку, прижимавшую лед, – пойдем спать. Завтра тяжелый день.

– Разумеется, день будет тяжелым, если звонят среди ночи. Что за хамская манера? Гришка, не темни. Что случилось? Мне правда интересно.

– При-дур-ки... – медленно, задумчиво произнес Гриша, – везде сплошные придурки. – Он, не вставая, обнял ее и прижался мокрым лицом к ее халату. – В Москве один советник президента перебрал в казино, его должны были отвезти домой, но потеряли по дороге, – про-бормотал он совсем невнятно, – ну какое тебе, девочка моя, до этого дело? Пойдем спать.

– Пойдем. Только телефон отключи. Ты его, кажется, в гостиной оставил.

– Да, конечно, обязательно. – Гриша тяжело, неловко поднялся со стула.

– А голова не болит? – тревожно спросила Ника, разглядывая вспухающую красную шишку на лбу.

– У кого? У советника президента? – Он попытался улыбнуться, но лишь неприятно оскалился.

– У тебя. До него мне и правда никакого дела нет, а ты здорово стукнулся. Может быть даже легкое сотрясение.

Когда они вернулись в постель и погасили свет, она подумала, что он действительно очень устал. А кто бы на его месте не устал? Жестокая предвыборная борьба, с интригами, грязью. Не более пяти часов сна в сутки в течение двух месяцев. Поездки по всему огромному краю, бесконечные митинги, встречи с избирателями. Результат превзошел все ожидания. Шестьдесят семь процентов голосов. Молодец, Гришаня. Победитель. Триумфатор. Но с нервами плохо, и голова наверняка болит, потому что соврал он совсем уж глупо и неуклюже.

Всех советников президента, с которыми у него были приятельские отношения, Ника знала поименно, и ни одного из этих серьезных, осторожных людей не могла представить надрывшимся до беспамятства, потерявшимся в ночной Москве. Это во-первых. А во-вторых, даже если такое вдруг произошло, почему именно Гриша, только что избранный на должность губернатора Синедольского края, отсюда, из Сибири, пытается решать чужую странную проблему и при этом нервничает до ледяной испарины?

– Ты телефон отключил? – пробормотала она, отвернувшись к стене.

– Конечно. – Он резко, почти грубо, развернул ее к себе лицом. – Ника, ты меня любишь?

– Очень люблю, Гришенька.

– Ты мне чаще это говори, девочка моя.

Из Москвы позвонили опять в начале восьмого утра. Гриша не отключил телефон. Ника спала крепко, не услышала, как тренькнул сотовый на ковре у кровати, как выскользнул из-под одеяла и на цыпочках ушел в соседнюю комнату ее муж, и не узнала, что после второго, более долгого разговора он занервничал еще сильнее. Не просто испарина, а крупные капли пота выступили у него на лице, покатались за ворот шелковой пижамы.

Шишка на лбу заняла невыносимо. Он вышел на балкон, жадно вдохнул холодный, влажный воздух и замер на несколько минут, раздувая ноздри, крепко зажмурившись и до боли сжав кулаки.

В Синедольске уже встало солнце, а в Москве было начало шестого и едва рассвело. До инаугурации оставалось семь дней.

* * *

Джинсы прилипли к кровавой ссадине на колене. Осколок витринного стекла вонзился в щеку и застрял под кожей. Это было замечательно, иначе Никита Ракитин не сразу бы поверил, что действительно жив и ни одна из пяти пуль его не задела. Разбитое колено и осколок стекла в щеке. А больше – ни царапины.

Одну из пяти гильз Никита подобрал и спрятал во внутренний карман куртки. Если бы он был более сентиментальным и аккуратным человеком, он сохранил бы на память не только гильзу, но и шнурок от кроссовки. Впрочем, у аккуратных людей не бывает рваных шнурков, которые без конца развязываются. Аккуратист погиб бы этой ночью на Ленинградском проспекте у магазина «Спорт», и в криминальную сводку по Москве вошло бы еще одно заказное убийство, а не хулиганская выходка подданных ночных отморозков в джипе.

Аккуратист погиб бы непременно. А растяпа Ракитин остался жив. Он наступил на развязанный шнурок и растянулся на асфальте за полсекунды до стрельбы. Потом из-за поворота выскочила милицейская машина. И убийцы в джипе не рискнули притормозить, проверить, сделано ли дело.

У Никиты был выбор: остаться, дожидаться «скорую» и оперативников, которые непременно появятся, потому что те, в «Мерседесе», уже вызвали по рации, или удрать как можно

скорей. На размышление оставалось минуты три, не больше. Время остановилось. На самом деле он пролежал всего минуту после того, как «Мерседес» умчался вслед за джипом. Но ему казалось, что прошло несколько часов.

Из оцепенения его вывели грохот и звон. Он вскочил, забыв о разбитом колене. Ему почудилось, джип вернулся, чтобы сделать контрольный выстрел. Но это выпал из витрины манекен. Аккуратный молодой человек в спортивном костюме. Ему достались пули, предназначенные Ракитину. Он выпал не сразу, долго размышлял, переживал, сомневался. В его пустой голове под красивым гуттаперчевым черепом тоже, вероятно, происходила какая-то напряженная мыслительная работа.

Никита, прихрамывая, рванул в проходной двор за магазином. Боль в колене утихла, как бы давая ему возможность уйти подальше от ужасного места. Пешком он дошел до Сокола, поймал такси и доехал до Кропоткинской, до своего дома.

Наверное, все это было неправильно. Во-первых, не следовало убегать. Стоило дожидаться оперативников, чтобы было заведено уголовное дело о покушении на убийство. Во-вторых, если уж убежал, то не стоило ехать домой. Он ведь не сомневался: они обязательно вернуться и уж тогда доведут свою высокооплачиваемую работу до конца. Любой разумный человек прежде всего подумал бы, куда ему скрыться.

Но разумные люди не наступают на собственные шнурки.

* * *

Федя Егоров постоянно видел перед собой лицо гуру. Узкие глаза казались трещинами, сплошь черными, без белков. Сквозь трещины на плоском, смутном, как зимняя луна, лице наблюдала за Федей великая космическая пустота. Федя сжимался в комочек, скатывался с больничной койки на пол, ноги его сами сплетались кренделем. Он усаживался в позу лотоса, принимался покачиваться и мычать. Только тогда отпускал ужас, оставалась лишь тупая головная боль.

Иногда Федя как будто просыпался. Это случалось ночью, когда никто его не трогал. Он лежал с открытыми глазами, вытянувшись на жесткой койке. За решетчатым окном покачивались тени веток. Далеко за больничным забором скользили редкие размытые огоньки. В памяти мучительно медленно плыли неясные, легкие, будто вырезанные из папиросной бумаги, силуэты. Тихо, расплывчато, как бы сквозь толщу воды, звучали голоса. Но эти голоса и силуэты принадлежали не сегодняшним людям, не врачам и медсестрам, не соседям по палате.

Он не знал, что врачи называют это синдромом Корсакова. Все, что происходило вокруг него здесь и сейчас, он не воспринимал как реальность. Настоящее сразу исчезало из его сознания, как рисунок на песке, слизанный черным прибоем. Время для Феди остановилось. Сознание его зависло в пустоте. Пустота была глухой, тяжелой и холодной, как намокший войлок.

Только изредка пробивался слабый далекий свет. Федя переживал заново куски прошлого, выныривал наружу из бездны, и светились перед ним причудливые картинки: пыльный физкультурный зал, люди в белых простынях. Всегда в такие минуты подташнивало, больно сжимался желудок. Федя не хотел есть, но тело его вспоминало мучительные голодные спазмы.

Гуру объяснял, как надо правильно питаться, чтобы чакры не закрывались, чтобы организм очищался, становился крепче и здоровей, наполнялся энергией космоса. Оксана Егорова кормила сыновей пророщенными зернами пшеницы, размоченным в кипятке рисом без капли соли и масла.

Оксана давно заметила, что духовные мантры, магические тексты дают энергии намного больше, чем пища телесная, особенно когда повторяешь эти мантры регулярно, не ленишься, три раза в день садишься в позу лотоса и твердишь, закрыв глаза: «Я верю гуру, моя сила в этой вере, без гуру у меня нет силы, гуру знает, как жить вечно, я буду жить вечно, если слушаюсь

гуру, меня не будет, если я нарушу закон великой пустоты, я пыль в пустоте, я люблю гуру...» И так далее.

Целительные мантры были длинными, однообразными, поначалу запоминались трудно, приходилось заглядывать в бумажку. Но потом Оксана выучила все наизусть и заставила выучить мальчиков. Она повторяла их не три, а десять, двадцать раз в день, особенно важно было проговаривать мантры, когда готовишь еду, заливаешь крупу кипятком. Тогда пища телесная наполняется энергией самого гуру и становится священной. Ей хотелось, чтобы ее дети питались чистой священной пищей.

Иногда мальчикам перепадала горстка липкого изюма или кураги. Раз в неделю все трое голодали, в течение суток пили только специальный настой тибетских трав и кипяченую воду. Раз в месяц Оксана устраивала голодовки, длившиеся трое суток. Гуру научил их очищать организм от шлаков и преодолевать чувство голода с помощью многочасовых медитаций и ледяных обливаний.

– Головная боль во время очистительного голода говорит о том, что организм перегружен шлаками, – объяснял гуру, и Оксана терпела, заставляя терпеть мальчиков, строго следя, чтобы они не съели украдкой ни кусочка.

Каждое утро начиналось с обливаний. Ребенок садился в ванную на корточки, и Оксана выливала ему на голову ведро ледяной воды. От этого моментально раскрывались важные чакры. Первое время мальчики жалобно вскрикивали, кожа синела и покрывалась мурашками. Потом привыкли.

– Ничего не дается просто так, – объяснял гуру, – нельзя потакать своему телу. Если вы не хотите гнить заживо, вам надо учиться преодолевать себя.

– А разве мы гнием заживо? – спрашивал двенадцатилетний Славик. – Мы ведь не больные, не старые.

В качестве лекарства от лишних вопросов гуру назначал дополнительную голодовку с медитацией. Но перед этим ребенок проходил процедуру раскрытия важных чакр. Гуру поил его настоем специальных трав, затем укладывал на коврик и водил ладонями вокруг его головы, бормоча непонятные слова. Сначала ребенок лежал смирно и как будто спал. Но вскоре у него начинали подергиваться конечности. А потом все тело сводили ритмичные судороги. Гуру говорил, что через эти целительные вибрации раскрываются нужные чакры.

После нескольких таких процедур Славик Егоров перестал задавать неприятные, вредные для здоровья вопросы.

Что касается Феди, то с ним дело обстояло сложнее. Гуру заметил, что мальчик отлынивает от коллективных медитаций. Суть процесса заключалась в том, чтобы научиться погружению в пустоту, отрешиться от своего бренного тела и от своей глупой грешной души. Главное – ни о чем не думать. Вообще ни о чем. Но у Феди никак не получалось. Мысли сами лезли в голову и не хотели вылезать.

– Ваши мысли – это те же шлаки. От шлаков материальных вы очищаетесь голоданием, от духовных – медитацией.

Когда все члены группы усаживались в кружок, медленно раскачивались и повторяли однообразное «омм», Федя изо всех сил пытался сосредоточиться. Но мычал он неправильно. Его тонкий голос вибрировал без всякого вдохновения. Из его уст вылетал жалобный тоскливый звук, напоминавший поскуливание избитого щенка.

Федя старательно мычал, и было щекотно губам. За решетчатым окном кружились снежинки. Бурчало в животе, очень хотелось есть. Хотелось толстую сочную сардельку, жареной картошки, соленого пупырчатого огурчика, густых щей со сметаной. До смерти хотелось шоколадку. А снежные шарики на кольях решетки напоминали сливочное мороженое.

– Мясо содержит трупный яд, – объяснял гуру, – страх, который испытывают животные на бойне, наполняет их кровь ядовитыми гормонами. Человек, который ест мясо, гниет

изнутри. Все чакры закрываются, он становится слепым и глухим. Он умирает. Его нельзя вылечить. Картофель и хлеб засоряют организм хлопьями крахмала. Кровь становится вязкой, как кисель.

Федя продолжал мычать, но думал о том, что сейчас хорошо бы выйти не куда-то в ледяной непонятный астрал, а просто на улицу, на свежий воздух. Там за мягкой голубоватой пеленой уютно светились вечерние желтые окна. А в зале было душно, пыльно, пахло потом. Гуру проходил вдоль круга и водил руками у каждого над головой. Проверял ауру. Босые ноги, маленькие, как у мальчишки, и всегда грязные, с длинными черными ногтями, ступали совсем неслышно.

Руки гуру надолго задерживались над Фединой головой. От рук исходил неприятный жар. Феде казалось, что голову его стискивает горячий тугой обруч. Он вертелся, стараясь скинуть с себя эту давящую тяжесть, но жар от твердых ладоней гуру становился сильнее. Все внутри Феде сопротивлялось этому жжению, мир раскалывался на две неравные части. В одной был тихий вечерний снегопад, теплый свет в окнах соседнего дома. Люди за окнами ужинали, ели котлеты, жареную картошку, смотрели телевизор, разговаривали, чай пили с сушками и пастиллой. Дети делали уроки, их гнали спать в десять, как раз тогда, когда начинался какой-нибудь крутой боевик.

Это была неправильная жизнь. Гуру говорил, что все эти люди мертвецы, у них внутри гниль. И только избранные, которые не едят сардельки, котлеты с картошкой, которые обливаются ледяной водой, голодают, сидят в позе лотоса и умеют растворяться в великой пустоте, по-настоящему живы. Мама, Славик и все в группе были в правильной, живой половине расколотого мира. А Федя зависал где-то посерединке, в черной глухой трещине.

Они со Славиком уже полгода не ходили в школу. Федя слышал, как мама разговаривала по телефону с директрисой.

– Мальчики посещают другую школу, частную, – говорила мама.

На самом деле, кроме занятий с гуру, они ничего не посещали. Они не учились, как другие. Гуру говорил, что математика, русский, география им не нужны. Зачем им мертвые науки, если они постигают высшую истину и впитывают космическую энергию?

Но Феде нравилось читать, писать, решать примеры и задачки. Он сидел в позе лотоса и думал не только о сардельке с картошкой; он вспоминал задачки из учебника второго класса.

«Из пункта А и из пункта Б одновременно выехали навстречу друг другу два велосипедиста...»

Федя представлял себе узкую тропинку, быстрые жаркие проблески солнца сквозь листву и двух мальчиков, которые крутят педали. Колеса подпрыгивают на корнях, ветки старых берез свисают так низко, что иногда касаются волос на макушке, словно мимоходом гладят по голове. Два велосипедиста, Славик на своем взрослом «Вымпеле» и Федя на своем стареньком подростковом «Орленке», должны встретиться в точке В, на поляне, у маленького, подернутого бледной ряской пруда. В пруду поет лягушачий хор, солнце садится в румяную толстую тучу, значит, завтра будет дождь.

Гуру велел маме привести Федю к восьми утра одного, без Славика. Занятий в этот день не было. Гуру предупредил, что ребенок не должен ничего есть с вечера.

Утром гуру принял их не в большом зале, а в маленьком кабинете, похожем на медицинский. У клеенчатой банкетки, покрытой простыней, стояла какая-то странная машина вроде радиоприемника. От передней панели тянулись провода, и с этими проводами возился, присев на корточки, незнакомый дядька в белом халате. Феде он сразу не понравился. Черные, плоские, намазанные жиром волосы, усы и борода вокруг ярко-красного пухлого рта, маленькие глазки то ли серые, то ли зеленые.

Гуру потрепал Федю по щеке, протянул стакан с темно-коричневой мутной жидкостью. Федя зажмурился и выпил залпом. От знакомого гадкого горьковатого вкуса свело скулы. Тра-

вяной настой на этот раз был слишком крепким, застрял в горле колючей каракатицей. Даже слезы из глаз брызнули. Гуру внимательно наблюдал, ждал, пока Федя проглотит положенную порцию гадости, а потом велел раздеться и лечь на банкетку.

Черный напوماженный дядька смазал ему виски и пятки чем-то липким. К коже приклеили лейкопластырем холодные колючие провода.

– Закрой глаза, – приказал гуру.

– Ты уверен, что он выдержит? – донесся до него сквозь нарастающий звон в ушах голос напوماженного дядьки. – Доза-то взрослая.

– Этот выдержит, – успокоил его гуру, – его в любом случае нельзя оставлять.

«Конечно, нельзя, – несло в Федином голове, – скоро конец света, все погибнут. Если я останусь здесь, тоже погибну. Надо слушаться гуру. Он знает, как спастись. Я верю гуру. Он заберет нас к золотой реке, очень скоро нам всем станет хорошо и спокойно. Гуру знает место на земле, где можно спастись. Желтый Лог... золотая река Молчанка... надо молчать и слушаться гуру... далеко в Сибири, в глубине тайги, есть город солнца, место, где мы спасемся...»

Перед глазами вспыхивали ослепительные золотые огни. Голова пылала, словно в ней плескалось расплавленное золото. Сквозь жгучий золотой мрак Федя видел бледное, сосредоточенное лицо своей матери. Она тоже думала о страшном конце света, о прекрасном золотом спасении, она тоже знала, что надо во всем слушаться гуру и никому не рассказывать про Желтый Лог и город солнца, иначе все бросятся туда, а всем, конечно, не хватит места.

– Желтый Лог... город солнца... – без конца повторял Федя, вытянувшись в струнку на жесткой койке в детской психиатрической больнице и слабо шевеля запекшимися губами.

Это были первые слова, которые он произнес после четырех лет молчания и однообразного, пустого «омм».

Глава 3

Сначала Никита решил не выходить из квартиры хотя бы несколько дней. Пока ехал в такси от Сокола до Кропоткинской, все пытался сообразить, что надо купить в ночном супермаркете. Он по наивности своей полагал, что будут они у него, эти несколько дней.

Сахар, чай, кофе, сигареты, зубная паста, мыло... Этот простой перечень заставил его вздрогнуть. Господи, ведь только что чуть не убили. Валялось бы сейчас мертвое тело под горой витринных осколков, накрыли бы черным полиэтиленом, увезли в морг. И не надо было бы ни кофе, ни сигарет, ни мыла. А где-то рядом кружила бы удивленная растерянная душа, которую выдернули из теплой оболочки значительно раньше положенного срока.

В такси тихо играла музыка. Мимо окон плыл ночной город, такой родной и такой равнодушный.

– Знаете, меня сейчас чуть не убили, – услышал Никита собственный хриплый насмешливый голос.

– Да ну? Правда, что ли? – так же хрипло и насмешливо отозвался таксист, не поворачивая головы.

Играл оркестр Поля Мориа. Сладкая композиция из мелодий Франсиса Лея.

– Чуть не убили, но, наверное, все-таки убьют. Достанут. Им очень надо, – пробормотал Никита совсем тихо.

– Что? – переспросил таксист.

– Вот здесь направо, – громко произнес Никита.

Оказавшись дома, бросив на лавку в прихожей пакет с запасами, он машинально включил чайник, потом стал двигать тяжеленный дубовый буфет на кухне. Он подозревал, что один не справится. Десять лет назад, когда был ремонт в квартире, буфет двигали трое крепких грузчиков. Они вспотели, изматерились до икоты, проклиная добротный цельный дуб.

– Жить захочешь – сумеешь, – сказал он себе и навалился на дубовый буфетный бок.

Семейная реликвия ста пятидесяти лет от роду не собиралась двигаться с места. Внутри жалобно звякали чашки. За буфетом была забитая намертво дверь черного хода.

Восемьдесят лет назад, в 1918-м, этот черный ход спас жизнь поручику Сергею Соковнину, двоюродному прадеду Никиты. Поручик успел удрать от чекистов, когда пришли его арестовывать. Потом, при Советах, как говорила бабушка Аня, был забит парадный ход, и все пользовались черным. Квартиру Ракитиных поделили на крошечные клетушки. Она стала коммунальной. Был даже какой-то квартирный актив, который возглавляла дворничиха Пронькина.

А поручик Соковнин выжил, умудрился удрать на пароходе в Константинополь, оттуда перебрался в Америку, женился, успел нажить троих детей, а в сорок четвертом погиб в возрасте пятидесяти двух лет, в чине полковника армии США, подорвался на фашистской мине где-то в окрестностях Парижа.

Никита отошел на шаг, отдышался, оглядел буфет со всех сторон. Времени мало. Его, пожалуй, совсем нет. Наверняка профессионалы в джипе уже осознали свою ошибку. Зря он накопил столько запасов. Не пригодятся...

– Ну давай же, милый, давай, – пробормотал он, пытаясь оторвать дубовые ножки от пола.

В буфете что-то громко стукнуло. Упала какая-то тяжелая банка. По-хорошему, надо бы вытащить все содержимое. Но на это уйдет час. Уже светает.

– Шевелись, мать твою, двигайся, старая деревяшка! – рявкнул Никита.

И дубовая громадина подчинилась. Проехала несколько сантиметров по линолеуму. Вот так. Теперь еще немного. Наконец между стеной и буфетом образовалось пространство около полуметра. Этого достаточно, чтобы протиснуться и откупорить забитую дверь. Прямоуголь-

ник линолеума под буфетом отклеился от пола. Если ножом вырезать, а потом, оказавшись за дверью на черной лестнице, ухватиться за край лоскута, придвинуть буфет назад, к стене, закрыть проход, можно выиграть еще несколько минут, пока они разберутся, догадаются.

Никита отыскал в ящике с инструментами старый скальпель, острый, как бритва, и полоснул по линолеуму с трех сторон. Попытался сдвинуть. В принципе можно. Но придется сделать это очень быстро. На это нужны нечеловеческие силы. Вернее, силы человека, который очень хочет жить.

За окном щебетали первые птицы. Светало. Рубашка пропиталась потом и противно липла к телу. Хорошо бы, когда все будет готово, принять душ. Но это опасно. По закону подлости они явятся именно в тот момент, когда он будет плескаться в душе. Он не услышит и может не успеть...

Между прочим, восемьдесят лет назад поручик Соковнин успел. Он как раз мылся в ванной, когда чекисты вломились в квартиру. Душ, разумеется, в восемнадцатом уже не работал. Поручик поливался из ковшика ледяной водой. Он не услышал, как они вломились. Его племянница, тринадцатилетняя Аня, которой потом суждено было стать Никитиной бабушкой, умудрилась задержать их в прихожей, заговорить зубы. И изрядно покричать, пошуметь, чтобы поручик расслышал за плеском воды.

– Ой, это у вас настоящий «маузер»? Подождите, господин чекист! Покажите, я никогда не видела. А он правда стреляет?

Аня была ангельски хорошенькой. Блестящие золотые локоны, огромные ярко-голубые глаза.

– А чаю вы не хотите, господа чекисты? У нас есть немного настоящего чая. Я как раз поставила самовар. Знаете, есть даже колотый сахар... Подождите, там не убрано, куда вы?..

Поручик успел натянуть подштанники, прихватил всю прочую одежду и свой именной пистолет, встал на бортик ванны, открыл высокое, под самым потолком, окошко между кухней и ванной комнатой, подтянулся, перелез, бесшумно прыгнул, прошмыгнул в дверь черного хода. А через секунду чекисты уже ворвались на кухню.

– Как же ему удалось с узлом одежды, так быстро и бесшумно? – спрашивал Никита бабушку Аню, когда она в сотый раз рассказывала ему эту историю.

– Не знаю. Очень жить хотел, – отвечала бабушка.

Никита лет с десяти пытался повторить ловкий трюк поручика. Приставлял стремянку к окну ванной комнаты. Только в четырнадцать удалось подтянуться, перевалиться через окно и, зажмурившись, прыгнуть на кухонный пол. Няня Надя, жарившая картошку на плите, закричала как резаная и стала быстро, мелко креститься. Никита прыгнул неудачно, подвернул ногу, порвал связки. Если бы поручик Сергей Соковнин прыгнул так же, его бы уже через полчаса расстреляли.

Никита загасил сигарету, достал из ящика с инструментами пассатижи и принялся откупоривать забитую дверь черного хода. Гвозди успели проржаветь и намертво вросли в стену. Спасибо, что десять лет назад мама отказалась от разумной идеи заложить дверь кирпичом. С черной лестницы воняло, в квартиру лезли тараканы и даже крысы забегали иногда. Но ленивые рабочие, которые делали ремонт, убедили маму, что довольно будет просто забить дверь и задвинуть чем-нибудь тяжелым. Спасибо ленивым рабочим. Квартира превратилась бы сейчас в мышеловку. Впрочем, тогда он бы и не поехал домой после стрельбы.

А куда бы он поехал без денег, без документов? Куда, интересно, ему деваться потом, когда он откупорит дверь, когда придется удирать через вонючий черный ход, через чердак, перепрыгивать с крыши на крышу, как восемьдесят лет назад поручик Соковнин?

...В четырнадцать, когда порванные связки срослись, Никита повторил трюк, от начала до самого конца. Даже время засек. Ровно три с половиной минуты. Самое неприятное – перепрыгнуть с крыши своего дома на соседнюю. Высота двенадцать метров. Расстояние между

крышами не больше полуметра. Главное, вниз не глядеть. Главное, представить, что за тобой гонятся люди с «наганами» в кожаных куртках. И ты очень хочешь жить.

Сейчас ему не четырнадцать, а тридцать восемь, и ничего представлять не надо. Все так и есть. Люди в кожаных куртках. С автоматами. И жить очень хочется...

Он до крови изодрал пальцы, выдергивая ржавые гвозди. Дверь наконец поддалась. Пахнуло застарелой плесенью и кошачьей мочой. Черным ходом перестали пользоваться в двадцать седьмом году, когда всемирно известный оперный баритон Николай Ракитин вернулся с семьей из эмиграции, купившись на уговоры советского правительства. Баритону предоставили его собственную квартиру в Москве. Выселили прочих коммунальных жильцов, сломали перегородки. Председатель «квартактива» дворничиха Пронькина долго еще грозила подпалить проклятую буржуазию.

Прадед Никиты хотел петь по-русски, на сцене Большого театра. Николай Павлович Ракитин надеялся, как многие тогда, что большевики долго не протянут. К тому же всемирная слава изрядно поблекла в холодном сером Берлине. Для немцев петь было скучно. Хотелось прадеду-певцу домой. Родину любил. Даже такую, вымазанную до макушки совдеповским дерьмом.

Потом ему пришлось своим глубоким баритоном исполнять партийные марши и гимны, солировать в хоре:

А соколов этих все люди узнали,
Первый сокол Ленин, второй сокол Сталин...

Пришлось петь перед «Самим», почти наедине, в небольшом кабинете, в присутствии нескольких приближенных, которые казались скорее призраками, чем живыми людьми на фоне широкоплечего коренастого Хозяина. От Хозяина исходил жар. Нехороший, дурно пахнущий жар, как от кастрюли, в которой варится несвежее мясо. Николай Павлович рассказывал жене, дочери и сыну шепотом в ванной, включив воду, о глубоких безобразных язвинах на серых щеках, о желтых глазах, волчьих или тигриных, о коротконогой, как обрубок, фигуре в простом кителе и кавказских мягких сапожках.

Когда Никите было шестнадцать, он приставал к бабушке Ане с одним и тем же вопросом: «Зачем?» Он рисовал в голове идиллические картинки свободного мира и представлял самого себя где-нибудь на Бродвее или на Монмартре.

– Что ему стоило остаться? – спрашивал он про своего прадеда. – Мы бы жили совсем иначе. Я бы...

– Ты? – улыбалась бабушка Аня. – Тебя бы не было, Никита.

– Почему?

– Потому что твой папа не встретил бы твою маму, женился бы на другой женщине, и у них родился бы другой мальчик. Или девочка.

Вот это казалось шестнадцатилетнему Никите совершенным бредом. Что угодно могло не состояться в мире. Любая случайность сто, или двести, или миллион лет назад имела право повернуть мир в другую сторону. Но он, Никита Ракитин, не мог не родиться.

Все было готово. Он прихватил фонарик, поднялся вверх по черной лестнице на чердак, проверил выход на крышу, спугнул шумную воробьиную стаю и так сильно вздрогнул от громкого щебета, что потерял равновесие. Ноги заскользили по влажной жести. Он успел ухватиться за хлипкую ржавую оградку. Сердце забилося, как воробей, сжатый в кулаке. Он еще раз, всей кожей, почувствовал, как близко подошла к нему смерть, как она дышит в лицо, заглядывает в глаза с любопытством: страшно тебе?

Влажная от пота рубашка стала ледяной. Ткань примерзала к коже, как железо примерзает к языку, если лизнуть на морозе. Вернувшись в квартиру и взглянув на себя в зеркало, он заметил кровь на щеке и вспомнил про осколок. Надо вытащить и продезинфицировать, иначе загноится. Он тщательно вымыл руки. Ободранные пальцы не слушались, осколок оказался скользким. Пришлось глубоко расковырять себе щеку, но боли он все равно не почувствовал. Раковина была вся в крови.

Сердце продолжало учащенно биться, и по тому, как упрямо подступал к горлу страх, он понял: они сейчас придут.

«Уже? Так скоро? – пискнул у него внутри тоненький голосок. – Я не успел принять душ, выпить чашку чаю, я только что закончил откупоривать мышеловку. Мне надо отдохнуть...»

Он кое-как заклеил кровоточащую щеку куском пластыря, выключил воду. Знать бы, сколько еще времени осталось... Страх подсказывал, что не осталось вовсе. Но страх – плохой советчик. Надо сначала понять, зачем они придут. Если только затем, чтобы убить, то это произойдет не сию минуту. Сначала они должны проверить, дома ли он. А зачем он сам примчался домой? Зачем потратил столько сил, освобождая дверь черного хода? Не проще ли было вообще не появляться в своей квартире?

Нет. Не проще. Для того чтобы исчезнуть, нужны деньги и документы. Но главное, он должен взять из квартиры то, из-за чего его хотят убить. То, что может впоследствии спасти его. Несколько аудиокассет и компьютерных дискет.

Они будут искать в квартире кассеты, дискеты, фотопленки, негативы и фотографии. Они обязательно влезут в компьютер. Вот почему он примчался домой и потратил столько времени, чтобы подготовить себе путь к бегству через черный ход.

Стационарный компьютер приглушенно пискнул, включаясь. На клавиатуре и на мыши остались кровавые пятна. Руки дрожали. За окном совсем рассвело. Он вышел на нужные файлы, переписал на дискету, а затем стал уничтожать большие куски текста.

Вот так. Пусть теперь ищут.

Уходить надо прямо сейчас. Он ведь не сошел с ума, он не собирается сидеть и ждать их, принимать душ, пить чай. Сердце забилося чуть тише, словно специально для того, чтобы он сумел расслышать легкий скрежет в замочной скважине.

* * *

Оксана Егорова вместе с детьми посещала группу «Здоровая семья» год, с декабря девяносто третьего по декабрь девяносто четвертого.

Ну не мог же, в самом деле, Иван Павлович связать их, всех троих, жену и двух сыновей, запретить, посадить в бункер. А слова, категорические запреты, угрозы, просьбы они просто не слышали. Как будто щелкало у каждого внутри какое-то устройство, и Иван Павлович становился для жены и сыновей неодушевленным предметом, который надо просто обойти, чтобы не удариться.

К декабрю девяносто четвертого группа уже занималась не в физкультурном зале школы, а в Доме культуры. Занятия начинались утром и затягивались до позднего вечера. Дома никто с Егоровым не разговаривал. Оксана перебрасывалась с детьми короткими непонятными репликами, и все трое замолкали при появлении Ивана Павловича.

– Ты, папа, живой мертвец, – спокойно сообщил однажды Славик, – ты питаешься ядом, и все твои слова – трупный яд. У тебя черная мертвая аура. Тебя нельзя слушать. Это вредно для здоровья.

Егорову захотелось ударить ребенка. Но он сдержался. Он знал, что Славик спокойно выдержит удар, не скажет ни слова, не заплачет и молча выйдет из комнаты.

Иван Павлович пытался говорить с Федей, но младший сын отворачивался и молчал.

Оксана давно перестала срывать с него одежду и смеяться русалочьим смехом. Она теперь спала на полу, в комнате мальчиков.

Как-то после рейса, за бутылкой водки, он поделился своими проблемами с бортинженером Геней Симоненко.

– Ну что ты заводишься по пустякам, Иван? – сказал Симоненко. – Брось, не переживай. Сейчас у всех крыша едет. Астрология, черная магия, йога, голодание, всякие астралы-фигалы, сейчас только самые некультурные, вроде нас с тобой, этим не увлекаются. Вон по телевизору показывают колдунов, американские проповедники приезжают стаями, япошку этого, Асахару, сам Горбачев принимал. Оксанка твоя перебесится, не волнуйся. Ей скоро надоест, вот увидишь. Моя Ирка тоже одно время с ума сходила, по утрам выворачивала пятки, на голове стояла по сорок минут каждый день, голодала, пила только воду, которая будто бы целебная, потому что в нее какой-то там великий гуру то ли дунул, то ли плюнул. А потом надоело. Теперь опять стала нормальная. Щи варит, котлеты крутит. Иногда, правда, пилит меня, мол, все это яд. Но, в общем, ничего. Перебесилась. Жить можно.

– У вас с Ирккой детей нет, – с тоской заметил Егоров, – мне Оксану не так жалко, как мальчишек. Она-то, может, и правда перебесится, но детей покалечит. У них ведь психика еще слабая, и питаться им надо нормально, а не сырым зерном.

– Это точно, – кивнул Гена, – детей жалко.

Когда Егоров, вернувшись из очередного рейса, узнал, что дети перестали ходить в школу, он отправился в юридическую консультацию к адвокату.

– Я не понимаю, чего вы хотите? – пожал плечами пожилой толстый адвокат. – Вы можете подать на развод. Но вряд ли вам отдадут детей. На это не рассчитывайте.

– Моя жена сошла с ума. Она не может воспитывать детей, – упрямо повторял Егоров, – она таскает их в какую-то секту.

– Как, вы сказали, называется эта группа? «Здоровая семья»? – уточнил адвокат. – А кто за ними стоит? Какая организация?

– Да нет там никакой организации, сборище психов, – безнадежно махнул рукой Егоров.

– Ну как же нет? – покачал головой адвокат. – Кто-то ведь их финансирует, оплачивает аренду помещения. Кроме аренды, там есть множество других расходов. Руководители группы получают наверняка какие-то деньги, и не маленькие. А занятия, вы сказали, бесплатные?

– Бесплатные, – кивнул Егоров.

– Скажите, Иван Павлович, а ваша жена сама не предлагала вам развестись?

– Нет. То есть она говорила, что, если мне не нравится их образ жизни, я могу катиться на все четыре стороны.

– А квартира хорошая у вас?

– Вроде ничего. Двухкомнатная, в кирпичном доме, от метро недалеко.

– Приватизирована?

– Нет.

– Кто ответственный квартиросъемщик?

– Я.

– Она не предлагала вам приватизировать или разменять квартиру?

– Нет. Пока нет. Я вас понял, – обрадовался Егоров. – Я тоже думаю, что в этой их шайке-лейке морочат головы таким дурам, как моя Оксана, чтобы отнять жилплощадь. Сейчас ведь много всяких сект. Людей заманивают, заставляют отказываться от имущества, увозят куда-нибудь в Сибирь, в тайгу, строить рай земной. Я видел по телевизору и в газетах читал. Но тогда этих мерзавцев запросто можно привлечь к уголовной ответственности за мошенничество.

– Совсем не запросто, – вздохнул адвокат, – к сожалению, совсем не запросто. Да, это сейчас распространенное явление, но привлечь кого-либо к уголовной ответственности вряд ли удастся. Бороться с такими вещами крайне сложно. Люди расстаются со своим имуществом

добровольно, без принуждения, и готовы подтвердить это в любую минуту. Все документы, как правило, в порядке. Не подкупаешься.

– Да, конечно! – повысил голос Егоров. – Сначала их сводят с ума, а потом они все делают добровольно и что угодно готовы подтвердить.

– Что значит – сводят с ума? Разве кто-нибудь заставлял вашу жену ходить на занятия? Вот вы говорите: она сумасшедшая. Но пока это остается только вашим личным мнением. Юридическим фактом это станет лишь тогда, когда ваша жена будет освидетельствована специальной медицинской комиссией. Вы уверены, что врачи согласятся с вами?

Егоров не был уверен. Оксана со стороны выглядела вполне нормально, только похудела и глаза стали другие. Но какое дело официальным чужим людям до ее глаз?

Он прекрасно знал: если дело дойдет до комиссии, она не станет нести свою обычную ересь про чакры-астралы. Она будет рассуждать о здоровом образе жизни, о диете, гимнастике и закаливании. При теперешней экологии надо особенно тщательно следить за здоровьем детей. Пожалуй, на врачей она сумеет произвести отличное впечатление. Разумная заботливая мать. Разве можно у такой отнимать детей? А что касается школы, так сейчас многие отдают детей во всякие частные гимназии, и там их учат по новым, оригинальным методикам.

– Они признают ее нормальной, – тяжело вздохнул Егоров.

– Разумеется, – кивнул адвокат, – к тому же без ее согласия такое освидетельствование в принципе невозможно.

– Что же мне делать?

– Ваше жена пьет?

– Нет. Не пьет, не курит, все свое время проводит с детьми. Но она их морит голодом или кормит всякой дрянью и обливает ледяной водой.

– Это называется диета и закаливание, – объяснил адвокат. – Она бьет детей?

– При мне ни разу.

– Ну вот видите, – адвокат развел руками, – даже проститутки и алкоголики очень сложно лишают родительских прав. А ваша жена – просто идеальная мать.

– Я понимаю, – кивнул Егоров, – значит, вы ничем мне помочь не можете?

– На вашем месте я бы прежде всего попытался выяснить, что это за секта, кто за ней стоит. Для того, чтобы действовать, надо знать. А вы, простите, пока только захлебываетесь эмоциями.

– Но как? Как я могу это выяснить? Я ходил к директору школы, который раньше сдавал этой группе в аренду физкультурный зал. Он мне сказал: группа «Здоровая семья». Я ходил в Дом культуры, где они занимаются теперь. Там меня принял заместитель директора и сказал то же самое.

– Ну а с самими руководителями группы вы не пытались побеседовать?

– Проводит занятия какой-то азиат, то ли кореец, то ли туркмен. Они называют его «гуру». В первый раз, когда я зашел к ним на занятия, меня просто вышвырнули оттуда. В самом прямом смысле слова. Огромных размеров девица вырубил меня каким-то сложным приемом, я потерял сознание.

– Подождите, но если это секта, почему же вас вышвырнули? Они должны были, наоборот, попытаться вас привлечь, перетянуть к себе.

– А действительно, почему? – спохватился Егоров, но тут же сам ответил: – Во-первых, этот азиат гипнотизировал их, и мое появление могло все испортить. Во-вторых, я был в летчицкой форме, а летчики, как известно, люди здоровые и психически, и физически. Там ведь в группе вообще мало мужчин, в основном женщины, подростки. Им, наверное, нужны люди, которые легко поддаются внушению.

– А разве у вас на лбу написано, что вы внушению не поддаетесь? – улыбнулся адвокат. – И потом, вышвырнуть человека, оглушить ударом – это ведь риск. А руководители секты обычно соблюдают определенную осторожность.

– Никакого риска, – покачал головой Егоров, – я бы все равно не сумел ничего доказать. Очнулся на лавочке во дворе. И никаких синяков, кровоподтеков. Ничего, кроме слабости и головокружения. Но разве это предъявишь в качестве вещественного доказательства? Я сразу понял, что обращаться в милицию нет смысла. В физкультурном зале, где они занимались, было человек двадцать, в том числе моя жена и двое сыновей. Но они сидели под гипнозом. И я уверен, никто из них не подтвердил бы моих слов. А насчет внушаемости – не знаю. Возможно, и написано на лбу. У этого их гуру особый взгляд. Он наверняка такие вещи сразу чувствует.

– Значит, с ним самим, с этим гуру, вы говорить не пытались?

– Однажды я решил дождаться его после занятий. Я ждал очень долго. Подъехал черный «Мерседес» с затемненными стеклами прямо к двери, он прошмыгнул в машину вместе с той громадной лысой девкой, и машина рванула с места. Послушайте, а может, вы что-нибудь сумеете выяснить про эту группу через свои каналы? Вы юрист, у вас есть связи. Я в долгу не останусь.

– Нет уж, увольте, я адвокат, а не частный детектив. Кстати, если средства позволяют, я бы посоветовал вам обратиться в частное детективное агентство.

– Мне говорили, там сплошные бандиты, – неуверенно возразил Егоров.

– Ну, это некоторое преувеличение, – улыбнулся адвокат, – могу вам порекомендовать одну неплохую контору. Они открылись недавно и как раз специализируются на сектах. Насколько мне известно, цены там вполне гуманные.

Адвокат порылся в стопке бумаг на своем столе и протянул Егорову красивый рекламный буклет.

«Агентство „Гарантия“. Услуги частных детективов. Решение семейных проблем, помощь начинающим бизнесменам, охрана, поиск должников, защита жизни и имущества...»

* * *

Григорий Петрович Русов застыл на пороге гостиной и несколько секунд молча, не отрываясь, глядел на жену. Она сидела боком к нему, на угловом диване, поджав ноги. Распущенные русые волосы закрывали лицо. В руках она держала книгу в глянцевой яркой обложке и так глубоко погрузилась в чтение, что не услышала шагов мужа, не почувствовала его взгляда.

– Ника, ты знаешь, который час? – спросил он.

– Половина второго, – откликнулась она, не отрывая глаз от страницы.

– Третьего, девочка моя. Половина третьего ночи.

– Серьезно? – Она мельком взглянула на старинные настенные часы и опять уставилась в книгу. – Ты ложись, Гришенька. Я еще читаю.

Он подошел, сел рядом, взял книгу у нее из рук. На глянцевой обложке была изображена женщина в черном кружевном лифчике, с широко открытым ртом и закрытыми глазами. Вероятно, художник пытался показать, что она кричит от страха. На втором плане, над ее запрокинутой головой, плавал в густом кровавом киселе маленький накачанный человечек. Судя по растопыренным рукам и вывернутым напряженным ладоням, художник имел в виду что-то связанное с карате.

Григорий Петрович знал совершенно точно, что в книге этой никаких героев-каратистов не было в помине. Бандиты, правда, были, героиня один раз действительно кричала от страха, в самом начале, во второй главе, но это происходило зимней ночью, на пустынной улице, и женщина была одета соответственно сезону.

«Виктор Годунов. ТРИУМФАТОР» – было написано над картинкой кровавыми буквами, готическим шрифтом.

Григорий Петрович захлопнул книгу, небрежно бросил на журнальный стол картинкой вниз. На тыльной стороне обложки была цветная фотография автора.

– А он постарел, тебе не кажется? – быстро произнес Григорий Петрович и обнял жену за плечи.

– Разве? – Ника взяла книгу. – По-моему, нет. Просто снимок неудачный.

Несколько секунд оба молчали.

– Ну и как роман? – кашлянув, поинтересовался Григорий Петрович.

– А ты прочитай, – улыбнулась Ника, – отличный роман.

– Отличный, говоришь? – удивленно вскинул брови Григорий Петрович. – Тебе ведь никогда не нравились детективы.

– Гриша, перестань, – поморщилась Ника, – тебе что, неприятно видеть у меня в руках его книгу? Ты прекрасно знаешь, как он умеет писать. Неужели до сих пор ты...

– Я не хочу, чтобы мы с тобой это обсуждали! – вдруг выкрикнул он, перебив ее на полуслове. – Я не желаю о нем говорить, ты поняла?

Она ничего не ответила, молча встала с дивана, но он схватил ее за руку и силой усадил назад, хотел еще что-то крикнуть, но в этот момент затренькал сотовый телефон, с которым он в последнее время не расставался ни на секунду, даже ночью.

Ника, воспользовавшись ситуацией, встала и вышла из гостиной, прихватив с собой книгу.

– Да... Ну давай, быстро, без предисловий!.. Что?! Как нету?! Вы хорошо смотрели? А пленки? А дискеты?.. Почему вчера не сказал? Ах вот оно что, спешили они, придурки... – Он вскочил с телефоном в руках, выглянул в коридор, быстро прикрыл дверь гостиной.

С каждой минутой лицо его все заметней каменело. На этот раз он был не красен, а бледен до синевы и без конца облизывал пересохшие губы.

– Так, а в самом компьютере?.. Да, я понимаю... – отрывисто, приглушенно говорил Григорий Петрович. – Мне плевать, что они не разбираются в компьютерах. Значит, найди человека, который разберется... А как хочешь... Хоть сам делай... Все, я сказал!

Ника старалась не прислушиваться к разговору, но через закрытую дверь отдельные слова долетали и неприятно резали слух. Дело было даже не в словах, а в интонации.

– Хорошо, – процедил Гриша сквозь зубы, дослушав до конца долгий монолог своего собеседника, – начинай разрабатывать запасной вариант. Но только очень осторожно.

Ника сидела на кухне, курила, опять уставившись в книгу. Она даже не взглянула в его сторону. Он пододвинул стул, сел напротив и тихо спросил:

– Чаю хочешь?

– Гриша, что с тобой происходит? – Она поймала его взгляд. Он тут же с утомленным видом прикрыл глаза и откинулся на спинку стула.

– Прости меня, девочка. Я так устал.

– Я знаю, – кивнула она, – кричать зачем?

– Ну, сорвался. Нервы на пределе. А ты бы хотела, чтобы я сохранял железобетонное спокойствие, видя, как ты не отрываешься от его последнего шедевра? У него, между прочим, все главные героини на одно лицо, и лицо это твое, Ника. Ты не можешь не замечать. А вдруг что-то встрепенется в душе? Он ведь стал таким знаменитым.

– Подожди, Гриша, откуда ты это знаешь? Ты же не читаешь его книг, – еле слышно произнесла Ника.

Он не шелохнулся, не открыл глаз, продолжал сидеть, расслабленно откинувшись, но при ярком свете кухонной люстры было видно, как быстро-быстро задвигались под веками глазные яблоки. Забегали зрачки туда-сюда.

– Ну, не лови меня на слове, – он сглотнул и нервно облизнул губы, но голос его прозвучал вполне спокойно, даже чуть снисходительно, – я просматривал пару его книжек. Кстати, ничего особенного. Вполне качественное транспортное чтиво, но не более.

– А если ты только просматривал, как можешь судить?

Григорий Петрович лукавил. Он прочитал роман «Триумфатор» три месяца назад, в рукописи, а вернее, в компьютерной распечатке, которую получил из издательства. Все романы Виктора Годунова, одного из самых многотиражных авторов России, он получал задолго до выхода книг, сразу, как только в руки главного редактора издательства попадала дискета с готовым текстом.

Григорий Петрович Русов являлся одним из соучредителей издательского концерна «Каскад» и вложил туда большие деньги. Как человека интеллигентного, образованного, его интересовали книжные новинки вообще и творчество Виктора Годунова в частности.

– Мне некогда читать. Я могу только просматривать. Если уж найдется у меня полчаса, я лучше почитаю Толстого, Достоевского, Бунина, а не детектив.

– Одно другому не мешает, – заметила Ника.

– Вот это новости, Ника. Ты что, уговариваешь меня читать его романы? Довольно того, что ты их читаешь не отрываясь. Мне только остается надеяться, что тебя привлекает исключительно литература, а не личность автора.

– Господи, Гриша, ты же никогда не был ревнивым, – нервно усмехнулась Ника, – у тебя что, разыгралась ностальгия по юным страстям? Ты меня достаточно хорошо изучил, чтобы не ревновать.

– Люблю очень. Потому и ревную. Не смейся, – улыбнулся он в ответ, и стало ясно, что он окончательно успокоился, – лучше пожалей меня, видишь, какой я стал дерганный, самому стыдно. Эта предвыборная кампания стоила мне десяти лет жизни. Я ведь не купил себе пост губернатора, как другие. Я его заработал, нервами своими, потом и кровью.

«Ну, деньги тоже были вложены немалые, – заметила про себя Ника, – однако ты об этом не любишь говорить. А кстати, почему? Они ведь не бандитские у тебя. Ты их тоже заработал, не столько потом и кровью, конечно, сколько хорошими своими хитрыми мозгами».

– Правда, пора спать. Мне тоже вставать в семь. У меня завтра дежурство в больнице.

– Дежурство, – проворчал Григорий Петрович, – знала бы ты, как мне надоели эти твои дежурства. Мы не для того отправили ребенка в Швейцарию, чтобы ты ринулась работать.

– Мы отправили Митюшу прежде всего для того, чтобы он получил хорошее образование, а не крутился здесь, среди детей «новых русских». Это ведь твоя была идея, ты сам убеждал меня, что в Синедольске пока нет школы, в которую ты бы со спокойной душой отдал сына. При чем здесь моя работа?

Не дождавшись ответа, не сказав больше ни слова, Ника ушла в ванную. Она терпеть не могла выяснять отношения. Она была человеком уступчивым и спокойным, однако в последнее время как-то так получалось, что они с мужем постоянно балансировали на грани конфликта. Слишком много накопилось запретных тем, которых не стоило касаться в разговорах.

Григория Петровича в последнее время стал все заметней раздражать трудовой энтузиазм Вероники Сергеевны. Он считал, что у персоны его уровня супруга работать вовсе не должна. Он надеялся, что в Синедольске, оторванная от своего родного Института Склифосовского, она уgomонится, ее закружит, наконец, красивая содержательная жизнь политического бомонда.

Десятилетнего сына Митю решено было отправить в Швейцарию, в закрытую частную школу. Григорий Петрович опасался, что в Синедольске ребенок не получит достойного образования, станет слабым, капризным, избалованным, потому что пятерки ему будут ставить только за то, что он губернаторский сын. В этом Ника была с мужем согласна, хотя по Митюше

очень скучала. А вот в том, что касалось ее работы, никакого согласия между супругами не было.

Когда стало ясно, что Григорий Петрович победит на губернаторских выборах, Вероника Сергеевна не долго думая предложила главному врачу краевой больницы свои услуги в качестве рядового хирурга-травматолога.

Больница остро нуждалась в специалистах, персонал увольнялся, мизерную зарплату регулярно задерживали, не хватало медикаментов, оборудования, койко-мест. Хирург такого уровня, как Елагина, был бы для больницы настоящим подарком. К тому же первая леди области вряд ли станет переживать из-за копеечной зарплаты, которую задерживают. А проблемы с медикаментами и оборудованием возложит на своего супруга. Губернатор найдет способ обеспечить больницу всем необходимым. В общем, главный врач сразу загорелся этой странной идеей не меньше самой Елагиной.

Григорий Петрович категорически возражал, уверял Нику, что это нелепо и будет воспринято окружающими как совершенный абсурд. Жена хозяина области не должна вправлять конечности и чинить прошибленные черепа. Ее образ жизни несовместим с больничной поденщиной. Ей положено присутствовать на официальных мероприятиях, сопровождать мужа в поездках и на приемах. Ей просто некогда вкалывать рядовым врачом.

Но Вероника Сергеевна никак не желала становиться типичной первой леди краевого масштаба. Ей не нравилось заниматься светской благотворительностью, разъезжать с кортежем, в окружении телохранителей и административной челяди по детским домам, колониям для малолетних преступников и интернатам для брошенных стариков, вручать перед телекамерами смущенным сироткам «Сникерсы» и кукол Барби, гладить несчастных деток по головкам и, присев на корточки, задавать вопросы: а где, деточка, твоя мама? хорошо ли вас, ребятки, здесь кормят?

После мучительных семейных споров было решено, что хотя бы первое время Вероника Сергеевна ограничится двумя рабочими днями в неделю. А позже, когда кончится сложный период вхождения ее мужа во власть, она станет работать, как ей хочется.

По вторникам и пятницам с девяти до трех Вероника Сергеевна вела прием в кабинете заведующего хирургическим отделением. К больнице ее подвозил шофер, у ворот ставилась дополнительная охрана. По негласному распоряжению к ней на прием допускались только избранные больные. Новые коллеги относились к ней с ехидным почтением, словно она была эксцентричной барынькой, которая повязалась ситцевым платочком и вместе с крестьянами собралась на полевые работы.

Но, несмотря на это, в обществе коллег врачей ей все-таки было значительно уютней, чем в компании чиновничьих жен. А главное, она жить не могла без своей тяжелой неженской работы и боялась потерять квалификацию.

Выйдя из ванной, Ника улеглась в постель с романом Виктора Годунова. Ей оставалось страниц десять, не больше, и оторваться она не могла.

– Я прошу тебя, убери ты с глаз долой эту несчастную книгу, – раздраженно прошептал Григорий Петрович и погасил свет.

Глава 4

Детективное агентство «Гарантия» занимало первый этаж старинного особняка в одном из арбатских переулков. Во дворе за чугунными воротами стояло в ряд несколько сверкающих иномарок. Егоров сразу заметил, что дела у агентства идут отлично. Новенькая офисная мебель, оборудование, компьютеры, факсовые аппараты, лохотенные молодые люди в элегантных костюмах.

«Бандиты, – с тоской подумал Иван Павлович, – деньги на всю эту красоту в наше время могут достать только бандиты. Не надо было сюда приходить. Запросят столько, что всю жизнь потом буду долги отдавать».

– Добрый день, – улыбнулась ему хорошенькая секретарша, – я могу вам чем-нибудь помочь?

– Моя жена и двое сыновей попали в секту, – мрачно сообщил Егоров, – я хочу получить информацию об этой секте.

– Вам кто-то рекомендовал обратиться в наше агентство? Или вы нашли нас по рекламе?

– Я к вам по рекомендации, – Егоров протянул ей визитку адвоката, – мне сказали, вы недорого берете за услуги.

– Да, цены у нас мягкие, – улыбнулась секретарша. – Минуточку. – Она сняла телефонную трубку и произнесла певучим сладким голоском: – Феликс Михайлович, к вам посетитель.

В небольшом уютном кабинете за дубовым старинным столом сидел пожилой сдобный толстяк с круглой рыжеватой бородкой и аккуратной глянцево-розовой лысиной в обрамлении рыжих кудряшек. На Егорова пахнуло дорогим одеколоном.

– Заходите, пожалуйста, милости прошу, – толстяк привстал, протянул руку, – Виктюк Феликс Михайлович, частный детектив.

Егоров пожал пухлую влажную кисть и представился.

– Очень приятно, Иван Павлович. Присаживайтесь. Я вас внимательно слушаю. – Голос у него был мягкий, бархатный, и глядел он на Егорова так сочувственно, так ласково, что на миг стало не по себе.

– Сначала я хочу узнать ваши цены, – сказал Егоров, усаживаясь в кожаное кресло.

– Цена зависит от заказа, – улыбнулся Виктюк, – после заключения договора мы берем аванс, сто пятьдесят долларов в рублях, по курсу. А по выполнении заказа составляется смета. Так что сразу я не могу назвать вам всю сумму. Изложите мне проблему, и тогда мы попытаемся прикинуть, во что обойдется ее решение.

«Аванс сто пятьдесят – это вполне терпимо», – мысленно ободрил себя Егоров и стал излагать толстяку суть дела. Тот слушал не перебивая и бесшумно постукивал пухлыми короткими пальцами по столешнице. С лица его не сходила задумчивая улыбка.

«Чего ж они здесь все такие улыбочивые?» – неприязненно подумал Егоров.

Он прекрасно понимал, что в этом нет ничего плохого. Сотрудники агентства стараются произвести на клиентов приятное впечатление, вот и одаривают лучезарными американскими улыбками кстати и некстати. Просто у него нервы на пределе, поэтому все раздражает и кажется подозрительным.

Он ждал, что по ходу рассказа частный детектив задаст хотя бы один вопрос, но тот продолжал молчать и улыбаться. Когда Егоров закончил, Виктюк удовлетворенно кивнул и произнес прямо-таки медовым голосом:

– Скажите, Иван Павлович, а почему вы решили, что это секта?

– А что же еще? – опешил Егоров.

– Да вы не нервничайте, все будет хорошо. Вы расслабьтесь, успокойтесь, мы постараемся вам помочь.

«Я что, к врачу пришел? К психоаналитику или к гипнотизеру?» – вспыхнув, подумал Егоров.

– Я вовсе не нервничаю. Я хочу узнать, что происходит с моей семьей. В том, что они попали именно в секту, я не сомневаюсь. Мне необходимо выяснить, кто этой сектой руководит, кто ее финансирует, кто заинтересован в том, чтобы сводить с ума детей и женщин.

– А говорите, не нервничаете, – ласково улыбнулся Виктук, – я же опытный человек, вижу, что вы переживаете тяжелейший стресс. Хочу вас сразу успокоить. В том, что я сейчас от вас услышал, нет ничего страшного. Ваша жена и дети вовсе не в секте. Это, если хотите, что-то вроде кружка или оздоровительной группы, не более. Никто за этим не стоит, никто не пытается, как вы выразились, сводить с ума детей и женщин. Сейчас в моде йога, новые теории питания, закаливания, оздоровления. Что касается женщины в черном, которая якобы оглушила вас и выкинула на улицу, – по мягкому лицу скользнула снисходительная усмешка, – ну вы меня извините, вы посмотрите на себя, здоровый крепкий мужчина, летчик, и вдруг какая-то дама вас вышвыривает... Нет, я верю вам, верю каждому слову. Просто возможен другой вариант, более реальный. Вы устали после длительного рейса. Я представляю, какие у вас там, в Аэрофлоте, нервные перегрузки. Так вот, вы устали, а потому сами не заметили, как очутились во дворе на лавочке.

– Да вы что?! – повысил голос Егоров. – Если они там сумасшедшие, то у меня пока все нормально с головой. Я отлично помню...

– Ну как же отлично помните? – мягко перебил Виктук. – Вы сами сказали, что очнулись на лавочке. Ну ладно, давайте оставим эту тему в покое. Ни вы, ни тем более я не можем в точности восстановить события. Верно? Ну так и не будем гадать, что именно произошло. Вообще, вам следует успокоиться. Еще раз повторяю. В том, что вы рассказываете, много странного и непривычного, но поверьте, ничего страшного. Да, ваша жена и дети занимаются медитацией, стали иначе питаться, обливаются холодной водой. Их образ жизни изменился, соответственно изменилось и мышление. Вы перестали понимать их. Но из этого не следует, что вы полностью правы, а они нет.

– Послушайте! – не выдержал Егоров. – Хватит морочить мне голову! Дети не ходят в школу, голодают, и вы хотите мне втолковать, что все нормально? Меня оглушили и вышвырнули, а вы пытаетесь доказать, будто это только померещилось мне?

– Ну да, конечно, – рассмеялся Виктук, – я их агент. Я с ними заодно. Перестаньте, Иван Павлович. Мы с вами так ничего не добьемся. Вы, кажется, готовы ополчиться на весь мир. Давайте успокоимся и подумаем вместе, как быть.

– Я не за утешением к вам пришел, – мрачно произнес Егоров и почувствовал, что краснеет. С нервами было совсем худо. – Если вы мне не верите и отказываетесь заниматься этим делом, так и скажите.

– Что вы, Иван Павлович, разве я отказываюсь заняться вашим делом? Просто я пытаюсь объяснить вам, что никакой катастрофы нет и не стоит паниковать. Я выясню все про эту группу. Сейчас мы оформим необходимые документы, и в ближайшее время вы получите полную информацию. Стоить это будет недорого. Думаю, кроме аванса, вам придется заплатить потом еще долларов пятьдесят, не больше. Сумма вас устраивает?

– Вполне, – буркнул Егоров.

«Ну что я так завелся? – подумал он. – Может, он правда хотел меня успокоить? У меня плохо подвешен язык, я коряво излагаю, и ему кажется, что я преувеличиваю. Наверное, со стороны я выгляжу абсолютным неврастеником. Со мной тяжело разговаривать».

– Хорошо. Спасибо. Давайте оформлять документы.

Егоров ничего не понимал в договорах. Он принялся читать многочисленные пункты и подпункты о правах и обязанностях сторон, но вскоре сообразил, что тупо водит глазами по строкам, словно перед ним китайские иероглифы.

– Вам что-то не ясно? – участливо поинтересовался Виктюк.

– Нет, почему? Все ясно.

Столько сил уходило в последнее время на борьбу с дрожащей бестолковой паникой, что он не мог сосредоточиться. Ему казалось, время работает против него, против его семьи, с каждой минутой жена и сыновья уходят все дальше, исчезают в черной пустоте со свистящей дикой скоростью, и надо нестись, бежать, спасать, а не вчитываться в строчки идиотского договора. Даже если добродушный толстяк начал бы сейчас разъяснять ему все эти пункты и подпункты, он все равно не понял бы ничего.

Расписавшись возле галочек, заплатив аванс и получив квитанцию, он вышел на свежий воздух. В воротах остановился, стал прикуривать, но огонек зажигалки не хотел вспыхивать, ребристое колесико прокручивалось, оставляя на пальце черный след. Егоров стоял, низко опустив голову, прикрыв ладонями слабый, дрожащий огонек.

Сердито взвизгнул автомобильный сигнал. Егоров успел отпрыгнуть. В ворота въехал вишневый новенький «Вольво». Иван Павлович прикурил наконец, глубоко затянулся и, немного успокоившись, взглянул на машину, которая едва не сбила его.

«Вольво» припарковался. Из него вышел крепкий невысокий человек в короткой распахнутой дубленке и быстро зашагал к подъезду. Егоров застыло сигаретой во рту. Он не мог поверить своим глазам. Гришка Русов собственной персоной. Вот повезло! Вот кто поможет лучше любого частного детектива.

– Гришка! Григорий Петрович, подожди!

Русов резко остановился.

– Привет, Иван. Я тебя не узнал. Ты что здесь делаешь? – Его лицо не выражало ни радости, ни удивления. Он машинально пожал Егорову руку и взглянул на часы.

– Гришка, как хорошо, что я тебя встретил! – быстро, захлеб заговорил Егоров. – Слушай, у меня беда. Ты, кажется, в Министерстве образования?

– Ну почти, – кивнул Русов, – а в чем, собственно, дело?

– Смотри-ка, ты разговаривать научился как большой начальник, – радостно заулыбался Егоров, – понимаешь, моя Оксанка совсем свихнулась, ушла вместе с детьми в какую-то идиотскую секту, я не могу ничего выяснить. Вот только что нанял частного детектива в этом агентстве. – Он кивнул на одну из медных табличек, прибитых у подъезда.

– Прости, Ваня, я очень спешу, – нервно поморщился Русов, – рад тебя видеть, но спешу, прости, старичок. Вот, возьми мою визитку, позвони мне. – Он похлопал Егорова по плечу, сунул ему в руку глянцевою карточку, шагнул в подъезд. Тяжелая дубовая дверь бесшумно закрылась за ним.

Егоров несколько секунд разглядывал красивую визитку. Текст был отпечатан золотыми тисненными буквами, с одной стороны по-русски, с другой по-английски.

«Министерство образования России. Русов Григорий Петрович, помощник министра, председатель Совета по взаимодействию с нетрадиционными культурно-оздоровительными объединениями», – прочитал Егоров и обрадовался еще больше. Он не ожидал, что так повезет. Теперь все будет хорошо. У Гришки связи. Гришка поможет. Они, конечно, друзьями никогда не были, но ведь выросли вместе. И вместе приехали из Синедольска завоевывать Москву двадцать пять лет назад.

* * *

Сколько раз писателю Виктору Годунову приходилось чувствовать космический щекотный холодок предсмертного ужаса вместе со своими героями, сколько раз придуманные им люди глохли от стука собственного сердца, понимая, что каждый удар может оказаться последним. Но писатель Виктор Годунов сочинял какой-нибудь хитрый ход и спасал своих героев.

Теперь надо было спасать самого себя, непридуманного, живого, измотанного человека, промокшего до нитки под нудным майским дождем, Никиту Юрьевича Ракитина. Но ничего, кроме бессмысленного блуждания по утренней сонной Москве, автор популярных криминальных романов для себя самого придумать не мог.

Москва кажется совсем другой, когда в ней некуда деться, когда не знаешь, где предстоит провести ближайшую ночь. Впервые за свои тридцать восемь лет Никита Ракитин слонялся по родному городу как испуганное бездомное привидение.

Ему везде чудились слишком внимательные, настороженные взгляды. Если идущий навстречу пешеход прятал руку в карман, ему мерещилось, что вот сейчас в этой руке окажется пистолет. Если тормозила рядом машина, у него перехватывало дыхание потому, что он уже слышал заранее, как коротко и сухо трещит автоматная очередь.

Три часа назад, покинув свою квартиру через черный ход, перепрыгивая с крыши на крышу, он понимал только одно: жив. Все прочее не имело значения. Сейчас, когда оглушительный животный ужас утих, осел крупными липкими хлопьями на дно души, надо было придумать хоть сколько-нибудь определенный план действий на ближайшие дни или часы – это уж как Бог даст. Но плана никакого не было. Автоматическое передвижение по мокрым улицам немного успокаивало, однако мешало думать.

Утро было промозглым и серым, город вяло просыпался и выглядел так мрачно, словно самого себя не любил. В нем обитало множество друзей и знакомых, и запросто можно было позвонить, зайти в гости, остаться ночевать. Однако Никита знал, что круг его близких совершенно прозрачен для заказчика убийства. Идти к кому-то в гости – значит не только подставиться самому, но и подставлять других. Лучшее, что можно сделать, – исчезнуть. Но куда?

После бессонной ночи знобило, глаза слипались. Он огляделся и обнаружил, что находится на Сретенке. Перед ним было маленькое дешевое бистро. Он увидел сквозь стекло, как девушка в красном фартуке поверх джинсового комбинезона переворачивает табличку на двери: «Открыто», и вошел внутрь. Девушка улыбнулась и весело произнесла:

– Доброе утро.

– Доброе, – откликнулся Никита.

– Что будем кушать? Есть сосиски с капустой, бутерброды с красной рыбой. Только она очень соленая, не советую. А хотите, могу яишницу пожарить с беконом.

– Хочу, – улыбнулся он в ответ, – знаете, ужасно хочу, чтобы кто-нибудь пожарил мне яичницу с беконом.

– И кофе?

– Да. Покрепче.

– У нас только растворимый.

– Ну и отлично. Пусть растворимый.

Он уселся за стол и, глядя, как незнакомая худенькая девушка готовит ему завтрак, подумал вдруг, что нельзя так страшно раскисать. Его еще не убили, а он уже чувствует себя привидением. Вопрос «что делать?» стучит в голове тупо и совершенно риторически. А ответ между тем прост как всегда. Работать. Он ведь давно собирался купить себе ноутбук. Вот теперь самое время. Благо деньги с собой прихватить успел. А где найти стол и стул, крышу над головой, он придумает. Можно снять комнату на месяц, сейчас это совсем не трудно. Главное, довести до конца то, что он начал, то, из-за чего его хотят убить. Тогда есть надежда, что не убьют. Не успеют.

Девушка поставила перед ним маленькую шипящую сковородку. Яичница немного пригорела, но все равно была вкусной. Потом он выпил два стакана крепкого сладкого кофе и почувствовал себя значительно лучше.

– Курить у вас можно?

– Пожалуйста. – Она вышла из-за прилавка и поставила перед ним пепельницу.

Он откинулся на спинку стула, затянулся, прикрыл глаза.

– У вас кровь на щеке, – произнесла девушка и положила перед ним бумажку, написанный от руки счет, – из-под пластыря сочится, довольно сильно.

– Я знаю, – он потрогал щеку, – порезался, когда брился.

Девушка смотрела на него все пристальней, и ему стало не по себе. Замечательная девушка, яичницу вкусную пожарила, но сейчас совершенно не нужно, чтобы узнавали писателя Виктора Годунова. Впрочем, может, она и не узнала. Настроение у нее хорошее с утра, и вообще она по натуре такая милая и сострадательная, независимо от того, кто перед ней, – известный писатель или случайный безымянный посетитель.

Он расплатился и быстро вышел из кафе, достал из сумки дымчатые очки, надвинул совсем низко, до бровей, замшевую старую кепку.

В последнее время, после нескольких телеинтервью и журнальных публикаций с большими цветными фотографиями, его узнавали на улицах. Иногда это веселило, иногда раздражало. Сейчас было вовсе ни к чему. Чем меньше людей обращает на него внимание, тем лучше. Однако вряд ли кому-то придет в голову, что длинный, бледный, сутулый от усталости и страха парень с куском пластыря на щеке, в потертых джинсах, изношенных кроссовках, со здоровенной дорожной сумкой из дешевого кожаменителя – популярный писатель Виктор Годунов.

И все-таки в компьютерном отделе книжного магазина «Глобус» его узнали. Он выбирал ноутбук, пришлось снять не только кепку, но и дымчатые очки. В них он плохо видел.

– Это вы или не вы? – обратился к нему молоденький продавец-консультант.

– Вероятно, все-таки я, – хмыкнул Никита, присматриваясь к ноутбуку фирмы «Тошиба», который стоил две тысячи долларов и весил всего два с половиной килограмма. Маленькая, плоская, удобная машина с большим экраном.

– А книжку можете подписать? – спросил продавец и протянул ему «День лунатика».

Никита такого издания еще не видел. На обложке «покета» был новый рисунок, не менее дурацкий, чем предыдущий. Юноша с одеколонным лицом душил грудастую красотку. Раньше юноша был брюнетом, красотка блондинкой, теперь наоборот. И позы немного изменились. В романе ни героев таких, ни одной подобной сцены не было. Но издателям видней, какие обложки привлекают читательские массы. Обычно используют для съемок специальных людей. Никите ни разу не приходилось видеть, как выстраивают мизансцены, как фотомодели принимают подходящие позы. Можно представить, как это происходит. «Сожми руки у нее на горле! – командует фотограф. – Запрокинь голову. Оскаль зубы. Выпучи глаза».

– Меня Сергеем зовут, – сказал продавец.

– Очень приятно. – Никита взял у него ручку и написал: «Сергею на добрую память, автор».

Продавец подбирал ему ноутбук долго, старательно, с удовольствием щеголял своими глубокими познаниями не только в компьютерах, но и в детективной литературе. В итоге Никита вышел из магазина с тем тошибовским «ноутом», который приглядел с самого начала.

Сыпал мелкий, как пыль, дождик. С компьютером в сумке он почувствовал себя значительно спокойней и уверенней. Теперь оставалось найти какое-нибудь пристанище. Теоретически, долларов за триста можно снять на месяц вполне приличную однокомнатную квартиру где-нибудь в спальном районе. Но это только теоретически. Квартира нужна уже сегодня, телефона под рукой нет, к знакомым за помощью лучше не обращаться, фамилию свою лучше не называть, документы не показывать, прятать лицо, потому что потенциальные хозяева могут запросто узнать его, начнут болтать, любопытствовать.

Купив в киоске несколько газет и десяток телефонных жетонов, Никита уселся за столик открытого кафе, принялся читать объявления, подчеркнул всего полдюжины, которые показались ему подходящими, и отправился к таксофону.

По первым двум номерам звучал автоответчик. Еще по трем никто не брал трубку. И только по шестому ответил молодой женский голос.

– А че, можно и сегодня, в натуре. Приезжай. – Собеседница моментально перешла на «ты», и Никите показалось, что она слегка навеселе. – Значит, это, короче, до Сокольников, там выходишь, сразу направо... – Прижав трубку ухом, Никита записал адрес.

Это была грязная полуразвалившаяся панельная пятиэтажка. На лестнице он услышал истошный женский крик и, поднявшись на последний этаж, чуть не споткнулся, потому что навстречу ему катился по ступенькам ободранный маленький мужичонка.

– Вали отсюда, ка-зел! Че смотришь, блин, пшел вон, ща по стенке размажу на хрен!

Полная, распаренная, как после бани, молодуха в капроновых спортивных шароварах, зеленых с алыми лампасами, в черной короткой кофточке с кружевами и золотыми блестками стояла, подперев бока, в дверном проеме и провожала мужичонку оглушительным крепким матом. Тот вовсе не смотрел на нее, дробные быстрые шажки звучали уже далеко внизу. Из квартиры доносился какой-то басовитый гул. Увидев Никиту, молодуха замолчала на миг, кокетливым движением поправила вытравленные до лимонной желтизны волосы.

– Ты, что ли, насчет квартиры звонил? Проходи.

Никита шагнул в прихожую, заставленную картонными ящиками. В крошечной «распа-шонке» стоял плотный, застарелый запах перегара и пота. Было так накурено, что щипало глаза. В единственной комнате, увешанной малиново-зелеными коврами, сидело за столом человек пять кавказцев. Заметив Никиту, они разом замолчали и внимательно, нехорошо уставились на него.

– Вероятно, я не туда попал, извините, – произнес он, пытаясь протиснуться назад, к двери, сквозь строй ящиков.

– Туда, туда. Не стесняйся, – ободрила его молодуха, – я недорого возьму, всего пятьсот баксов в месяц. Паспорт давай сюда и деньги вперед за полгода.

– Нет. Мне только на месяц. И пятьсот – это дорого. Спасибо, всего доброго.

– Да ты че – дорого?! Ты погляди, какая хата, какие ковры, стенка – цельное дерево, окно во двор, никакого шума, метро в двух шагах, телефон, телевизор цветной, видеком можешь пользоваться, кассеты есть с эротикой, – затараторила молодуха и попыталась ухватить его за локоть.

– Пагады, слюший, так нэ дэлают, в натуре. – Двое кавказцев стали вылезать из-за стола. Глаза у них были красные, пьяные, и Никита, бесцеремонно оттолкнув молодуху, застрывшую в проходе, рванул вон из квартиры, скатился вниз по лестнице, еще резвее, чем давешний ободранный мужичонка. Вслед ему понесся такой же густой мат.

Отдышался он в вонючем проходном дворе. Дождь перестал, но небо совсем почернело, в лицо бил ветер, тяжело раскачивались липы над головой. Никита подумал, что сейчас ливанет по-настоящему, но не было сил ускорять шаг. Он медленно побрел к метро.

Кажется, без помощи знакомых не обойтись. Он стал перебирать в памяти всех, к кому мог бы обратиться сейчас. Нужен человек, с которым он очень редко видится, которого если и вычислят, то в последнюю очередь. Человек этот не должен быть любопытен и болтлив. Но если и есть такой, то почти невероятно, что у него найдутся знакомые, готовые прямо сегодня сдать недорогую квартиру на месяц.

Ни одного подходящего имени в голову не приходило. На него вдруг навалилось совершенное безразличие, захотелось просто вернуться домой, в свою родную квартиру, принять горячий душ, лечь спать – и будь что будет.

В лицо брызнуло косым ледяным дождем. Ветер пронизывал до костей. До метро было еще далеко, и Никита нырнул в какую-то маленькую сомнительную кафешку. Два столика были заняты. За ними обедала компания ремонтных рабочих в спецовках. Никита подошел к стойке самообслуживания.

- Есть у вас суп какой-нибудь? – спросил он раздатчицу.
- Борщ хороший. Налить?
- Да. А водка есть?
- «Столичная».
- Сто грамм, пожалуйста.

Никита сел за угловой столик, подальше от шумной рабочей компании, с удовольствием хлебнул водки, закусил черным хлебом и принялся за борщ. Но тут, словно по команде, брякнуло ведро, чмокнула мокрая тряпка. Какая-то тощая кроха в грязном белом халате стала мыть пол прямо под его столиком, вокруг его ног, а потом бросила швабру и принялась водить вонючей тряпкой по столу.

– Послушайте, – не выдержал Никита, – я, между прочим, ем. А тряпка ваша воняет нестерпимо.

– Эй, голубчик, что за дела? – взвилась кроха. – Я на работе и протираю столы, когда мне нужно. А тряпка чистая и вонять не может. Господи, Ракитин, ты?

* * *

Домашнего телефона на визитной карточке не было. Только служебный. А дозвониться по нему Егоров не мог. Гришке Русову не сиделось в своем кабинете.

– Перезвоните, пожалуйста, через час, – любезно предлагала секретарша.

– Сегодня Григория Петровича уже не будет, – сообщала она, когда Егоров перезванивал через час, – а завтра он улетает в Бельгию.

– А вы не могли бы дать мне его домашний номер? – решился попросить Иван. – Я его земляк, друг детства.

– Извините, но если Григорий Петрович не счел нужным дать вам свой домашний номер, то я не имею права...

– Да он просто забыл! Он спешил и забыл в спешке. Вы знаете что, девушка, вы ему передайте, что звонил Егоров Иван. Вот, номер мой запишите. И еще, если боитесь дать мне его домашний, спросите у него разрешение.

– Хорошо, я так и сделаю, – ответила секретарша и положила трубку.

– Это опять Егоров, – радостно сообщал он в десятый раз. – Соедините меня, пожалуйста, с Григорием Петровичем.

– Его нет.

– Я его земляк, друг детства. Вы передали, что я звонил? Мы договорились, что вы дадите мне его домашний номер.

– Как ваша фамилия?

– Егоров.

– Мы с вами ни о чем не договаривались.

– Ну как же, девушка?! Вы обещали...

– Григория Петровича на месте нет. Попробуйте перезвонить в пятницу.

– Но вы передали ему?

Ответом были частые гудки. И так до бесконечности.

От улыбочивого частного детектива Виктюка тоже не поступало никаких новостей. Егоров звонил туда каждый день и слышал одно и то же: «Не волнуйтесь. Мы работаем по вашему делу. Все не так просто. Прошло слишком мало времени».

Время несло с дикой скоростью, не оставляя для его семьи никаких шансов. Каждый раз, возвращаясь из рейса после трех-четырех дней отсутствия, он не знал, чего больше боится – увидеть землисто-серые, осунувшиеся лица жены и детей, погрузиться в ледяное молчание или обнаружить, что все трое исчезли.

Если бы гуру и тех, кто за ним стоит, интересовали деньги, Оксана тянула бы их из мужа всеми способами. Сама она давно не работала, после рождения Феди осталась дома, занималась только хозяйством и детьми. Летчицкой зарплаты Егорова вполне хватало на жизнь. Ничего особенно ценного в доме не было, главная ценность – квартира. Но о квартире, о размене Оксана не заикалась. Егоров на всякий случай сходил в домоуправление, якобы выяснить, нет ли задолженности по квартплате, а на самом деле проверить, все ли нормально с документами. Мало ли какую каверзу могли придумать руководители секты?

Но оказалось, все в порядке. Никто на квартиру не посягал.

Егорову снились ночами кошмары, неслись в голове сцены из всяких ужасиков про вампиров, про воровство органов. Он видел, как худеют его мальчишки, и всерьез стал думать, что гуру высасывает из них жизненную энергию или выкачивает кровь небольшими порциями.

Однажды он заметил на груди у Феди, под острыми ключицами, черную татуировку, перевернутую пятиконечную звезду, вписанную в круг.

– Что это, сынок?

– Знак посвящения, – ответил ребенок тусклым голосом.

– Но это же больно, и потом, ты понимаешь, это останется на всю жизнь. Татуировку вывести очень сложно. Смотри, у тебя воспалилась кожа, могли инфекцию занести. – Он попытался обнять сына, почувствовал под руками страшную худобу. На секунду Егорову показалось, что сын прижался к нему, и ледяная стена дала тонкую трещину. – Послушай меня, сынок, нам с тобой надо уехать на некоторое время, – жарко зашептал Егоров, – так нельзя жить, ты должен ходить в школу, нормально питаться.

– Папочка, мне страшно, – еле слышно произнес Федя.

– Не бойся, малыш, ты просто больше не будешь туда ходить. – Егоров прижал к груди его голову, но ребенок отстранился.

– Мне страшно тебя слушать, папочка. Ты ничего не понимаешь. Ты живой мертвец. – Федя поднял лицо, и на Ивана Павловича глянула сквозь голубые глаза-стеклышки ледяная пустота.

На следующий день он отправился по адресу, указанному на визитке Русова. Охраннику в дверях солидного административного здания не пришло в голову задержать высокого статного человека в летчицкой форме. Егоров поднялся на второй этаж и спросил у первой встречной барышни, где кабинет Русова Григория Петровича.

– По коридору направо, – ответила барышня.

В приемной было пусто. Егоров ткнулся в дверь кабинета, она оказалась запертой. Пронзительно зазвонил телефон на столе секретарши, Иван Павлович вздрогнул и рефлекторно метнулся к столу, протянул руку, чтобы взять трубку, но, разумеется, не взял, зато заметил рядом с аппаратом перекидной календарь. Он открыт был на сегодняшнем числе, и Егоров успел прочитать одну из записей: «19–30, рест. „Вест“, Шанли, отд. каб.».

– Что вы здесь делаете?! – раздался возмущенный голос.

В дверях стояла молоденькая пухленькая блондинка с подносом в руках. На подносе высились мокрые перевернутые кофейные чашки.

– Добрый день, – Егоров улыбнулся, отошел от стола и уселся в кресло, – Григория Петровича, как я понимаю, на месте опять нет? Но ничего, я подожду. Мы с ним договорились о встрече.

– Договорились? – Секретарша убрала посуду в стеклянный шкаф, уселась на свое место.

– Разумеется.

– На какое время?

– На одиннадцать, – не моргнув глазом соврал Иван Павлович.

– Как фамилия ваша?

Егоров представился. Секретарша черкнула что-то в календаре.

– Но сегодня Григория Петровича не будет.

– У меня другие сведения. – Егоров весело подмигнул.

– Минуточку. – Она подняла трубку и стала крутить диск. Егоров догадался, что она звонит Гришке домой, попытался разглядеть, какие набирает цифры, но не успел.

– Григорий Петрович, здесь к вам человек пришел, некто Егоров. Говорит, вы ему назначили на одиннадцать... Да, конечно...

Егоров вскочил и выхватил у нее трубку.

– Гришка, ты что, совсем сбрендил? Я никуда не уйду, пока ты не появишься в своем кабинете.

– Иван, ты не нервничай, – ответил ему спокойный хрипловатый баритон, – ты прости, старичок, я сейчас страшно занят, продохнуть некогда. Мы встретимся обязательно, я помню, что у тебя какие-то проблемы, просто хочу выслушать тебя внимательно, поговорить без спешки. Давай на той недельке, а?

– Ну ты на работе будешь сегодня или нет? – не унимался Иван. – Я целый день свободен, дождусь тебя. Мне ведь не просто поболтать хочется, беда у меня. Оксанка попала в секту, детей туда затянула...

– Иван, я сюда сегодня никак не попаду. Не получится. Слушай, давай на той неделе, хорошо? Ты оставь Марине свой телефон, я тебе сам позвоню. А сейчас, прости, брат, спешу ужасно. Все, привет.

Иван передал загудевшую трубку секретарше, потом продиктовал ей свой домашний номер и вышел из кабинета, совершенно уверенный, что Гришка Русов ему никогда не позвонит.

Дома в толстом справочнике «Вся Москва» он отыскал ресторан «Вест». Но их оказалось три, в разных концах города. Он стал набирать номер каждого из заведений.

– Здравствуйте, я хочу подтвердить заказ на сегодня, на девятнадцать тридцать. Отдельный кабинет. На фамилию Русов. Нет? Тогда посмотрите на фамилию Шанли.

Оказалось, что отдельный кабинет был заказан на фамилию Шанли в ресторане «Вест» неподалеку от Чистых прудов. Егоров приехал к ресторану к семи.

Конечно, Гришка может и озвереть от такой навязчивости, но ему не было дела до Гришкиных эмоций. Сам Егоров уже давно озверел. Он понимал только одно: Гришка по долгу службы обязан знать все про эту паршивую секту. Кто же, если не он?

Егоров нервно курил в темной подворотне, из которой отлично просматривался шикарный ресторанный подъезд. Козырек крыши подпирали круглые стеклянные колонны-аквариумы, в них плавали экзотические рыбы. Кусок тротуара был выложен мраморными плитами, девственно-чистыми, несмотря на зимнюю слякоть. До мостовой тянулась пушистая ковровая дорожка. У подъезда стоял навытяжку чернокожий швейцар в красной ливрее.

Гришкин вишневый «Вольво» подъехал через двадцать пять минут. Егоров шагнул из подворотни, открыл было рот, чтобы окликнуть друга детства, но замер. У ресторанный подъезда притормозила еще одна машина, черный «Мерседес». Оттуда вылез маленький бритоголовый человек азиатской наружности в темно-зеленом кашемировом пальто до пят. Пальто было распахнуто, под ним сверкала белоснежная сорочка, чернел дорогой костюм. Подъезд был освещен достаточно ярко. Впрочем, этого маленького кривоногого он мог бы узнать в кромешной темноте, в любой одежде и, наверное, даже в гриме и парике.

Гуру и Гришка Русов пожали друг другу руки и вошли в ресторан. Егоров успел заметить, что за рулем «Мерседеса» сидит бритоголовая накачанная девка-телохранитель. Не раздумывая ни секунды, он бросился через дорогу к подъезду. Черный швейцар преградил ему путь.

– Простите, у вас заказан столик?

– Да, да, конечно...

Перед Иваном возникла дородная фигура метрдотеля во фраке.

- Добрый вечер, как ваша фамилия?
- Егоров...

«Господи, надо же быть таким идиотом? Ну почему мне не пришло в голову действительно заказать здесь столик? Ведь не пустят теперь ни за что...»

- Простите, но такой фамилии нет в нашем списке, – хмуро сообщил метрдотель.
- Нет? Странно. Ну а свободное место, может, найдется? Я один.
- Свободных мест у нас нет. Только по предварительному заказу.

Швейцар вежливо теснил Егорова к выходу. В дверном проеме показались две здоровенные фигуры в камуфляже. Егорову оставалось только вернуться в свою подворотню и терпеливо ждать, когда Гришка с гуру изволят откушать.

Перед тем как перебежать на другую сторону, он бросил взгляд в салон «Мерседеса» и заметил, что там никого нет. Было глупо торчать в подворотне на таком холоде. Понятно ведь, раньше чем через полтора часа Гришка из ресторана не выйдет. Это не забегаловка. Но Егоров стоял и ждал, не спуская глаз с ярко освещенного подъезда.

Вечер был сырой, промозглый, летчицкая шинель не согревала. Он закурил, стал переминаться с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть совсем. И вдруг почувствовал резкую боль в шее. Через секунду его накрыл с головой густой ледяной мрак.

* * *

– Сколько же лет мы с тобой не виделись, Ракитин? А ведь ты бы ни за что не узнал меня, паршивец. Ни за что. Старая стала, да?

– Нет, Зинуля, совсем нет. Просто изменилась немного, но мы все не молодеем. А я бы тебя узнал, если бы не тряпка твоя и не грязный халат.

– Ну да, как же, ври больше!

– Я не вру, мы ведь с тобой знакомы почти с рождения. А в последний раз виделись на похоронах бабушки Ани.

– Да... на похоронах. Слушай, Ракитин, а что с тобой произошло? Ты почему мокрый такой?

– Так ведь дождь.

– А бледно-зеленый тоже из-за дождя?

– Нет. Просто сплю мало.

– Ага. Мало спишь, много работаешь. Ну ладно. А сумок зачем столько? Едешь куда-то? Или вернулся?

– Скорее, пожалуй, вернулся. Сумка только одна, а это компьютер, ноутбук.

Такси остановилось у серой страшной пятиэтажки. Никита расплатился. Они поднялись по заплыванной вонючей лестнице на верхний этаж.

– Ненавижу эту конуру, – весело проговорила Зинуля Резникова, распахивая перед Никитой дверь, – сгорела бы она, что ли.

– А где жить будешь?

– Новую дадут. Лучше. Я вот все жду, вдруг кто-нибудь из моих соседей-алкашей подожжет дом ненароком, – она мечтательно закатила глаза и засмеялась, – у самой смелости не хватает. Главное, без конца что-то происходит. То газ взрывается, то электричество замыкает. Но ведь стоит, чертова помойка. Ничего ее не берет.

– Да ты террористка самая настоящая, – улыбнулся Никита, тяжело усаживаясь в единственное драное кресло.

– Если бы, – вздохнула Зинуля, – террористы знаешь какие деньги зарабатывают? Впрочем, ты, наверное, лучше меня знаешь. Ты ведь у нас автор модных криминальных романов. А

я всего лишь бедная художница. «Нет, я вам скажу: нет хуже жилища, как живописец: свинья свиньей живет, просто не приведи бог». Ну-ка, давай, Ракитин, на счет раз, откуда это?

– Гоголь Николай Васильевич. «Портрет», – машинально ответил Никита и подумал, что цитата как нельзя кстати. В комнатенке и правда был несусветный бардак.

– Молодец, – одобрила Зинуля, – держишь форму. А я уж думала, ты совсем опошил.

– Почему?

– Видела твои обложки. Кто такой Виктор Годунов? Модный сочинитель. А что модно сейчас? Что вообще модно? Пошлятина, гадость. Скажи мне честно: зачем тебе это надо? Неужели только деньги?

– Огромные деньги, Зинуля. Колоссальные, – ухмыльнулся Никита, – вот сейчас наконец я потихоньку выхожу на уровень среднего чиновника какой-нибудь небольшой, не слишком преуспевающей фирмы.

– Да ты что? Ты же очень популярный! Ты должен много получать.

– Чтобы получать много, надо не романы писать, а все время считать деньги. Я уж лучше буду сочинять, а мои издатели пусть занимаются бизнесом. Каждому свое.

– Но они делают деньги на твоих романах.

– Не только. У них огромное количество авторов. Помнишь знаменитую присказку советских продавщиц: «Вас много, я одна»? Вот, они у себя одни, а писателей много.

– Издательств тоже немало, – заметила Зинуля.

– Крепких, по-настоящему прибыльных – единицы. Раз они сумели стать такими, значит, они правы и по-своему талантливы. И если при этом им удастся покупать меня дешевле, чем я стою, значит, я дурак, а они умные.

– Ракитин, кончай выпендриваться, – поморщилась Зинуля, – так нельзя жить. Тебя надуют, а ты ушами хлопаешь.

– Почему надуют? Действуют по законам бизнеса.

– Так ты тоже действуй по этим законам.

– Они такие пошлые, эти законы, такие скучные, – произнес Никита, зевнув во весь рот, – и требуют постоянной озабоченности, суеты. Станешь суетиться, сам не заметишь, как разучишься писать романы. Плетение словес останется, но это уже будут мертвые слова. А они, как сказал классик, дурно пахнут. Бывает, сочинитель начинает неплохо и от первых аплодисментов сходит с ума, ему кажется, мало и денег, и славы, он ожесточенно торгуется с издателями, дергается от постоянного зуда, что его недооценивают, обманывают, строят козни. Он бросается давать бесконечные интервью, хочет себя все время видеть в телевизоре, как фрекен Бок из «Карлсона», начинает активно действовать локтями, расталкивая других, мускулатура у него развивается, локти становятся железными, а вот мозги начинают потихоньку отмирать, как рудимент. Смотришь, а писать он уже не может. Все скучно, мертво. Тот слабенький, но неплохой потенциал, который имелся вначале, уже потерян, смят под напором животного прагматизма. Чтобы хорошо писать, нужно быть внутренне свободным от суеты и зависти. Нужны сильные ясные мозги, а вовсе не крепкие локти.

– Но если ты не можешь на своих романах заработать большие деньги, тогда зачем?

– А ты зачем рисуешь?

– Я художник.

– А я писатель, вот и пишу романы.

– Детективы, дешевое чтиво. «Тупоумие, бессильная дряхлая бездарность... Те же краски, та же манера, та же набившаяся, приобвыкшаяся рука, принадлежавшая скорее грубо сделанному автомату, нежели человеку!» – торжественно процитировала Зинуля и тут же надулась обиженно: – Дурак ты, Ракитин. Дурак и болтун.

– Ты что, всего Гоголя наизусть знаешь? – вяло поинтересовался Никита. Его клонило ко сну. Кресло было хоть и драное, но вполне удобное. Зинуля кинула ему ватное одеяло, он согрелся, и глаза стали слипаться.

– Не всего. Только отдельные куски. А память у меня, как тебе известно, исключительная. Я ведь русскую литературу люблю бескорыстно. Сама ни строчки не сочинила за всю жизнь. Никогда не думала, что из тебя, Никита Ракитин, вылупится автор криминального чтива Виктор Годунов. Лично я никакого такого Годунова не знаю и знать не хочу.

– Ты хотя бы одну мою книжку открывала?

– Разумеется, нет. Я такую пакость принципиально не открываю.

– Вот сначала прочитай хотя бы пару страниц любого моего романа, а потом говори.

– В том-то и дело, что ты, Ракитин, пакость написать не можешь. Тебе это генетически не дано. За тобой минимум пять поколений с университетским образованием. Тебе плохо писать совесть не позволит. Но ты предатель, перебежчик. Ты не подстраиваешься под массовый спрос, но встаешь в ряды тех, кто уродует сознание людей, кто пичкает читателя камнями вместо хлеба.

– Кроме камней и хлеба, есть еще жвачка, леденцы. Они, конечно, тоже могут быть разного качества.

– Не морочь мне голову, Ракитин. Ты все равно меня не убедишь, будто занимаешься своим делом. Твое дело – литература, а вовсе не криминальное чтиво. Я допускаю, что у тебя получается очень хорошо, качественно, но все эти братки, вся эта криминальная гадость к искусству отношения не имеет. Представляю, что бы сказала бабушка Аня.

– Она бы сначала прочитала мои книги, а потом уж стала говорить, – зевнув, возразил Никита.

– А я вот говорю не читая. Не собираюсь я читать Виктора Годунова. Мне этот господин безразличен. Он занят низким ремеслом. Но Никиту Ракитина я люблю всей душой, читаю и перечитываю с большим удовольствием до сих пор, хотя он, сукин сын, исчез на пять лет, забыл дорогую подругу детства Зинулю. А Зинуля, между прочим, за это время дважды чуть концы не отдала и в трудные минуты своей беспутной жизни была бы очень рада хотя бы одной родной роже рядом. Но вы все меня забыли. Все. Ладно, поэта Никиту Ракитина я прощаю. Он писал настоящие стихи.

Тоска, которой нету безобразней,
Выламывает душу по утрам.
Всей жизни глушь, и оторопь, и срам,
Всех глупостей моих монументальность,
И жалобного детства моментальность,
И юности неряшливая спесь,
И зрелости булыжные ухмылки,
Гремят во мне, как пятаки в копилке,
Шуршат, как в бедном чучеле опилки,
Хоть утопись, хоть на стену залезь...

– Спасибо, – улыбнулся Никита, не открывая глаз, – спасибо, что помнишь. Слушай, Зинуля, у тебя нет знакомых, которые могут сдать квартиру на месяц или хотя бы на пару недель?

– Для кого?

– Для меня.

– Та-ак. – Зинуля прошла в зад-перед по крошечной комнате, заложив руки за спину и насвистывая первые аккорды «Турецкого марша», потом резко остановилась напротив Никиты и спросила: – Травки покурить не хочешь?

– Нет. Не хочу.

– А я покурю.

Она вытряхнула табак из «беломорины», сыпала на блюдечко. Добавила какой-то толченой травы и ловко, вполне профессионально забила назад эту смесь в бумажную трубочку. Никита почти задремал, согревшись в драном кресле, под засаленным ватным одеялом, ему стало казаться, будто он вернулся лет на пятнадцать назад; в тяжелом дыму Зинулиного косячка почудилось, что напротив, на облезлой поролоновой тахтенке, сидит Ника, тоненькая, прямая, почти прозрачная, в узком черном свитере с высоким горлом, его Ника, еще не предательница, еще не Гришкина жена.

– Я завтра вечером в Питер уезжаю. Если тебе надо, живи на здоровье. Меня здесь месяц не будет.

– Триста долларов устроит тебя?

– Ну ты даешь, Ракитин, – она покрутила пальцем у виска и присвистнула, – совсем ты, брат, сбрендил.

– А если я тебе эти деньги подарю просто так? Возьмешь?

– Отстань.

– Ладно. Мы с тобой это завтра обсудим, на свежую голову.

– Ноги подними! – скомандовала Зинуля. – Вот так, – она поставила ему под ноги табуретку, – пока я в Питер не уеду, спать тебе в кресле придется. Уж извини. Тахта у меня одна. И денег я у тебя, Ракитин, не возьму, даже утром, на свежую голову. Живи сколько хочешь. Я не спрашиваю тебя ни о чем не потому, что мне все равно. Просто я знаю, если сочтешь нужным, сам расскажешь. А нет – так и не надо.

– Расскажу, – пробормотал Никита, – только посплю немного.

Стоило один раз подумать о Нике, и уже не выходила она из головы, не отпускала. Ему вдруг захотелось, чтобы она приснилась ему хотя бы разок.

Тридцатисемилетняя стройная строгая дама с тяжелым узлом русых волос на затылке, с холодными, ясными светло-кариими глазами. Предательница Ника. Гришкина жена. Мать Гришкиного ребенка. Вероника Сергеевна Елагина, кандидат медицинских наук, хирург-травматолог. Девочка Ника, первая и последняя его любовь.

Он провалился в сон, как в пропасть, и снилась всякая дрянь. В десятый раз повторялся подробный кошмар про то, как в него стреляли на Ленинградском проспекте. Казалось, в голове его была запрятана маленькая видеокамера, которая зафиксировала каждую деталь того первого покушения, и теперь какой-то злобный упрямый идиот без конца прокручивает пленку.

И еще вставали перед ним белые кафельные стены маленького «бокса» детской психиатрической больницы, белое, как эти стены, лицо мальчика Феди Егорова, голубые, прозрачные, мучительно пустые глаза. Виделась сатанинская пентаграмма на воспаленной коже, под острыми детскими ключицами, и звучал в ушах монотонный осипший голосок: «Желтый Лог... город солнца...»

Не зря он слетал в Западную Сибирь, не зря нашел это страшное глухое место, маленький пьяный поселок под названием Желтый Лог. И, что самое удивительное, вернулся живым.

Глава 5

Аэропорт в краевой сибирской столице отгрохали огромный, помпезный, по образцу московского Шереметьева-2. Конечно, международного лоска пока не хватало. На лицах, на стеклах ларьков, на рекламных щитах был неуловимый налет провинциальности, который особенно лез в глаза в сероватом предзвездном свете.

У заспанной красотки продавщицы в валютном супермаркете поблескивал золотой передний зуб. На современных дерматиновых диванчиках в зале ожидания дремали, некрасиво раскинувшись и приоткрыв рты, румяные распаренные бабехи в серых пуховых платках, опухший буфетчик раскладывал на прилавке вчерашние пыльные бутерброды. Сверкающий черным кафелем платный сортир вонял, и вонь достигала взлетной полосы.

Проходя мимо небольшого книжного развала, Никита машинально отметил среди садистски разукрашенных мягких обложек пару своих «покетов», отвернулся и ускорил шаг. Книготорговцы чаще других узнавали в нем писателя Виктора Годунова.

Стеклянные двери бесшумно разъехались, он оказался на площади, и тут же к нему скорым деловитым шагом направились с трех сторон крепкие молодцы в кожанках.

«Привет, ребята», – усмехнулся он про себя и попытался представить, что в такой ситуации стали бы делать сообразительные герои его криминальных романов.

Майор милиции Павел Нечаев спокойно подпустил бы их поближе. Нечаев смекнул бы, что убивать не будут. Убивают совсем иначе. Они попытаются его взять, и вот тут майор легко и ловко раскидает их, нетерпеливых идиотов, по мокрой бетонной панели.

Тоненькая большеглазая журналистка Анечка Воронцова испугалась бы ужасно. Но у нее тоже хватило бы здравого смысла понять, что сейчас, сию минуту, стрельбу никто не откроет. Она метнулась бы к ближайшему милиционеру или к небольшой группе «челноков» у табачного ларька и задала бы какой-нибудь вопрос: «Простите, вы не подскажете, как мне лучше добраться до железнодорожного вокзала?» А потом вскочила бы неожиданно в закрывающиеся двери автобуса.

Между прочим, жаль, что эти двое, Анечка и майор, герои разных романов. У них запросто могла быть любовь. Или нет? Майор хороший человек. Однако постоянно рискует жизнью. Каково будет Анечке ждать его вечерами? Да и поздно об этом думать. Оба романа закончены. А продолжений Виктор Годунов не пишет.

– Такси не желаете? – подмигнул первый из кожаных.

– Куда едем, командир? – небрежно покручивая ключами, поинтересовался второй.

Подоспел третий и тоже стал предлагать свои услуги. Они окружили его неприятным, довольно плотным кольцом. Он огляделся и обнаружил, что ни милиционера, ни группы «челноков» у ларька нет.

«Дурак ты, господин сочинитель», – сказал себе Никита, – твои герои значительно умней. Ну кому ты здесь нужен, подумай бестолковой своей головой. Ты ведь в Турцию улетел и в данный момент распаковываешь вещи в номере дрянного отеля в окрестностях Анталии».

– Мне надо на железнодорожный вокзал, – сообщил он.

– Пятсот, – живо отреагировали все трое.

– Триста, – возразил Никита.

Двое сразу ушли, третий согласился отвезти его за четыреста.

Утренняя трасса была почти пустой. По обе стороны тянулась тайга. Медленно поднималось солнце, четкие упругие лучи пронзали насквозь бурый ельник вдоль опушки, и вставал дыбом бледный болотный туман. У Никиты после пяти часов дурного, неудобного сна в самолете слипались глаза, но отчаянный птичий щебет, влажный свежий ветер не давали уснуть.

А закрывать окно не хотелось. Так хорошо было вдыхать запах утренней майской тайги, пусть и подпорченный гарью трассы.

Потом, без предисловий, навалился закопченный промышленный пригород, тоскливые бараки-пятиэтажки, черные трубы какого-то комбината. И сразу на пути возник большой красочный плакат.

В крае завершилась предвыборная кампания. Один из трех кандидатов задумчиво, проникновенно глядел в глаза проезжающим. Нет, не в глаза, прямо в душу. Молодец, победитель! Ниже пояса у него пылали алые буквы: «Честь и совесть». Все средства массовой информации кричали о победе этого кандидата, честного и совестливого. Двух своих соперников он оставил далеко позади.

Железнодорожный вокзал был в центре города. Расплатившись с таксистом, Никита вошел в старое, прошлого века, здание и опять встретился с проникновенным взглядом кандидата-победителя. На этот раз пиджак кандидата был вольно расстегнут, галстук не гладко-серый, а в клетку. И надпись не красная, а синяя, собственноручная, но в десять раз увеличенная: «Будем жить, ребята!» Округлый четкий почерк, буквы без наклона, красивый автограф сбоку.

Таблю расписания не работало. Народу в зале было так мало, что Никита испугался: вдруг здесь вообще не ходят поезда.

– Когда ближайший поезд до Колпашева? – спросил он, сунув голову в единственное открытое кассовое окошко.

– Через полчаса, – зевнув, отозвалась кассирша, – двести рублей билет.

– Пожалуйста, один купейный.

– Купе триста.

– Хорошо, пусть.

Все отлично складывалось. В Колпашеве он будет к вечеру и, возможно, уже завтра утром доберется до крошечного таежного поселка под названием Желтый Лог.

Пассажиров набралось всего на четыре купе, и проводница предусмотрительно заперла остальные. Никита попытался было заплатить ей, чтобы открыла для него какое-нибудь пустое. Очень хотелось побыть в одиночестве восемь с половиной часов пути. Но тетка попалась вредная, от денег отказалась.

– Убирай потом за вами! Так обойдетесь.

Никита забрался на верхнюю полку, сначала смотрел в окно, потом стал читать, но не смог, задремал под стук колес. Иногда он открывал глаза и украдкой разглядывал попутчиков.

Пожилая семейная пара и одинокий командированный, тихое симпатичное ископаемое, поднятое со дна далеких семидесятых. Вежливо попросив даму выйти на минутку, командированный снял глянцевого от старости костюмчик, долго, с нежностью, расправлял складки брюк, закреплял их специальными зажимчиками на вешалке, потом, стряхнув невидимые соринки, повесил пиджак на плечики, погладил его ласково, как котенка, поправил воротник и лацканы карманов. Теперь на нем были заштопанные чьей-то заботливой рукой трикотажные синие треники с вытянутыми коленками, больничные байковые тапки.

Никита вдруг подумал, что всякие незначительные живые мелочи в дороге, в поезде обретают особенную, уютную прелесть. Или дело в другом? Просто если знаешь, что завтра или через неделю могут тебя убить, жизнь кажется ярче, каждый пустяк накрепко врезается в память, он может стать последней живой деталью, последним воспоминанием...

Когда поезд остановился на небольшой станции Колпашево, уже смеркалось. Никита сразу отправился на пристань. Он знал, что катер от Колпашева до Помхи ходит один раз в двое суток. Желтый Лог – последняя перед этой самой Помхой пристань. Иначе никак не доберешься.

Маленькая дощатая пристань речного вокзала была пуста. На окошке кассы висел большой ржавый замок. У кривого пирса покачивалось несколько лодок. Ничего похожего на расписание Никита не нашел. У кассы хлопал под ветром выцветший фанерный щиток. Правила безопасности на воде.

– Катер до Помхи только завтра после обеда пойдет, – сообщил одинокий рыбак, стоявший чуть поодаль в воде, в высоких резиновых сапогах.

В пасмурных сумерках, под мелким дождем, городок Колпашево показался унылым, сонным. Дощатые прогнившие тротуары, редкие побитые фонари, глухие высокие заборы из толстых нетесаных бревен. На центральной площади, перед бетонным тупорылым зданием бывшего горкома партии, сохранился фундаментальный, закаканый птичками Ильич с протянутой на восток рукой. Тут же раскинулся небольшой тихий рынок. Горстка кавказцев с яблоками и гранатами, похожими на театральные муляжи, полдюжины китайцев с дешевым барахлишком, бабушки с солеными огурцами, квашеной капустой, шерстяными носками и пуховыми платками. Рядом в бревенчатых палатках торговали хлебом и импортными колбасами. На вопрос о гостинице бабушки объяснили, что есть одна, бывшая партийная, как до универсама дойдешь, сразу направо.

Он купил себе огурцов, хлеба, упаковку импортной резиновой ветчины, бутылку минералки.

«Бывшая партийная» оказалась четырехэтажным кирпичным зданием, самым большим в городе после бывшего горкома. Вдоль фасада красовалась огромная электрическая надпись: «Отель „Сибирячка“. Внутри было сравнительно чисто. По фойе расхаживали кавказцы в трикотаже и шлепанцах, из приоткрытой двери ресторана неслась развеселая музыка и пьяный смех.

– Одноместных нет, – сообщила администраторша, – хотите один селиться, оплачивайте двухместный. Сто пятьдесят сутки.

Оказавшись наконец в полном одиночестве, в тихом замкнутом пространстве гостиничного номера, он упал на койку и закрыл глаза.

– Зачем мне все это? – спросил он себя хриплым усталым шепотом. – Я что, свожу личные счета? Добиваюсь справедливости? Или мне передалось тупое отчаяние бывшего летчика, которое заставляет сначала действовать, а потом уж думать? Я потратил кучу денег и потрачу еще на эту дурацкую поездку. Я, возможно, рискую жизнью, ибо если мои догадки подтвердятся, меня скорее всего прикончат. Личные счета... Да, конечно, не без этого.

Он не знал, чего сейчас больше хочет – есть или спать. Усталость, которую он старался не замечать все эти дни, навалилась разом, и было лень шевельнуться. Он полежал еще немного, закрыв глаза и стараясь вообще ни о чем не думать.

В отеле „Сибирячка“ воцарилась наконец тишина. Закрылся ресторан, уgomонились трикотажные кавказцы, разошлись по номерам со своими смешливыми подругами. Ночь опрокинулась на маленький сибирский городок Колпашево, на огромную черную тайгу, на чистую ледяную речку Молчанку, на далекий глухой поселок Желтый Лог.

Никита потянулся, прошел босиком к окну. Ветер выл, небо над тайгой казалось совершенно черным. Полыхнула бледная далекая зарница.

Он разложил на столе еду. Ночью, в номере маленькой гостиницы на краю света, когда мрак за окном, холодный ветер бьет в стекло и неизвестно, что с тобой может случиться завтра, любая еда, даже резиновая немецкая ветчина, кажется очень вкусной, не говоря уж о малосольных домашних огурчиках с тем особым русским провинциальным хлебом-„кирпичом“, которого, наверное, нигде в мире нет больше. Он серый, с толстой хрустящей корочкой, с легким липким мякишем.

В сумке была фляга хорошего коньячку, пачка „Пиквика“ в пакетиках. Умница Танечка, оказывается, успела сунуть потихоньку еще и растворимый кофе „Чибо“, и банку вареной сгущенки.

„Умница Танечка была бы чудесной женой, – подумал он, отрывая ломоть еще теплого хлеба и прикладываясь к горлышку плоской фляжки, – твое здоровье, девочка моя, прости, что не могу на тебе жениться“.

И сразу вслед за этой невеселой мыслью, вместе с горячим глотком коньяка, обожгло почти запретное, почти ненавистное имя: Ника.

Очень давно, в другой жизни, примерно в таком же номере провинциальной гостиницы они ужинали серым хлебом-„кирпичом“ с малосольными огурцами. Вместо резиновой ветчины были крутые яйца, вместо импортного „Пиквика“ в пакетиках обычная заварка. А вот коньяк был такой же, армянский.

Никита только закончил институт, работал спецкором в популярном молодежном журнале, и Нике захотелось съездить вместе с ним в командировку в Вологду, просто так, потому что город старинный и очень красивый, потому что так хорошо вместе – где угодно. В редакции сделали для нее командировочное удостоверение, назвали „внештатным корреспондентом“. Но в гостинице селить вместе не желали ни в какую. У них ведь не было штампов в паспортах. Ее поселили в „женском“, с тремя спортсменками, его в „мужском“, с тремя животноводами. Однако в маленьком городке Устюжне под Вологдой на штампы уже никто не глядел. Гостиница там стояла полупустая.

Была середина июня, и совершенно неожиданно в Устюжне пошел снег. Он падал на зеленые листья, на траву и не хотел таять. Сколько же лет прошло, Господи? А все стоит перед глазами тонкий силуэт на фоне гостиничного окна, за которым кружит в тревожном фонарном свете июньская крупная метель. Давно уже пора забыть, успокоиться. Он ведь так и не простил ее. Не простил и не забыл, потому что до сих пор любит, и каждая другая – только тень, только слабый отблеск его Ники, его тоненькой русоволосой девочки, предательницы Ники, первой и последней его любви...

* * *

Утром снег растаял – все-таки май. Но было холодно и сыро. Покосившаяся бревенчатая изба, на которой красовалась полустертая надпись „Речной вокзал“, была забита людьми. Оказывается, катера здесь ждали с раннего утра. На изрезанных лавках сидели и лежали люди. Компания подростков расположилась прямо на полу, усыпанном подсолнечной шелухой. В середине сидел бритый налысо парнишка в телогрейке, на коленях у него была гитара, обклеенная переводными картинками со знойными красавицами. Пальцы пощипывали струны, и высокий, удивительно гнусавый голос вытягивал однообразную мелодию какой-то блатной песни, а вернее, целого романа в стихах на три аккорда.

Много женщин есть, всех не перечесать,
Служат нам они для женской ласки,
Можно обойтись без водки, без вина,
Но не обойтись без женской ласки, а-а...

Это „а-а“ выходило у него очень выразительно, он повторял каждую третью строчку несколько раз, и все тянул свое „а-а“, излагая историю о том, как молоденький парнишка отсидел десять лет и, вернувшись, застал неверную возлюбленную в объятиях какого-то фраера.

Финский нож в руках, слышно только: ах!

А кого любил, того уж нету, а-а...

Никита огляделся, ища места на облезлых скамейках, и услышал рядом высокий стариковский голос:

– Садись, сынок. Я подвинусь. В ногах правды нет.

– Спасибо. – Никита втиснулся рядом со стариком, мельком отметил аккуратную седую бородку, расчесанные на пробор длинные седые волосы, перетянутые черной аптечной резинкой. Тонкая косица была заправлена за ворот потертого серого пиджачка.

– Приезжий? – тихо спросил старик, оглядывая Никиту с приветливым любопытством. – Откуда, если не секрет?

– Из Москвы. Не знаете, катер скоро будет?

– Сегодня должен. Видишь, погода какая, ночью снег выпал. Никак зима не уходит. В командировку или в гости к кому?

– В командировку, – соврал Никита и подумал, что, наверное, не стоит вступать в разговор с первым встречным. Старик вполне приятный, похож на священника. Скорее всего и есть батюшка какой-нибудь деревенской церкви. А все-таки лучше поостеречься.

– А плывешь куда?

– До Желтого Лога.

– Вот хорошо. И я туда же. Отец Павел меня звать. А тебя как?

– Никита.

– И надолго ты, Никита, в Желтый Лог?

– Не знаю. Как получится.

Отец Павел кашлянул, полез в свою большую клеенчатую сумку, зашуршал газетами.

– Вот, пирожком угощайся. С капустой. Матушка моя пекла. Да ты бери, не стесняйся.

– Спасибо, – улыбнулся Никита, – хотите хлеба с ветчиной? И огурцы есть малосольные.

– Спаси Господи. Хлебушка-то возьму с огурцом, а вот мяса не ем. А что за командировка у тебя, если не секрет? У нас ведь совсем глухое место. Приезжих мало.

– Я журналист.

– Журналист... – задумчиво повторил старик, – и о чем писать собираешься?

– Об экологии. О защите природы. Пирожки вкусные у вас.

– Да, матушка умеет печь, особенно с капустой хорошо получаются. И еще с визигой. Ты где жить собираешься в Желтом Логе? Гостиницы нет у нас. Или тебя, может, кто встречает?

– Никто. Я думаю, просто комнату сниму на несколько дней.

– А то давай при храме поселим тебя, сторожка пустая стоит. Ты сам-то крещеный?

– Крещеный.

Послышался хриплый далекий гудок. И тут же разморенные долгим ожиданием люди повскакивали, толпа хлынула к узкой двери, поднялся гвалт, мат. Бритоголовый парень, держа гитару наперевес, ринулся в толпу с ревом, как в атаку.

– Иди вперед, сынок, местечко займи мне. Только очень-то не спеши, затопчут, – напутствовал старик.

Толпа медленно сочилась сквозь узкую дверь, вываливалась на пристань. Катер был маленький, совсем старый, Никита подумал, что вряд ли выдержит хилая посуда такое количество людей. Толпа валила по скрипучему шаткому трапу, такому узкому, что было страшно ступить на него: вот-вот толкнет кто-нибудь, и сорвешься в черную ледяную воду Молчанки. Утонуть, разумеется, не утонешь, но будешь мокрый, промерзнешь до костей.

Никите удалось занять места в трюме, для себя и для старика. Тот явился одним из последних, тревожно озираясь, охая, волоча огромный картонный чемодан.

– Отец Павел! – позвал Никита.

– Ой, хорошо-то как, – обрадовался батюшка, – здесь и не холодно, дождик не намочит. А на палубе ветрище... Ты, значит, о природе писать собираешься? Неужто кто-то сейчас интересуется?

– Ну, в общем, да, – кивнул Никита.

– А я как загляну в газету, все срам, пакость, прости Господи. Вот в Синедольске у сына телевизор посмотрел. Ну что за времена настали! Не поймешь, когда хуже: при советах или сейчас. Сам-то женат?

– Разведен.

– Грех... А детки есть?

– Дочь, двенадцать лет.

– Как зовут?

– Маша.

– А у меня трое. Сыновья. И внуков уже пятеро, только уехали все, старшие двое в Синедольске, младший в Мурманске, на торговом судне мичманом. И хорошо, что не остались в Желтом Логе. Нечего там делать, – отец Павел наклонился ближе и зашептал: – Дурные у нас места. Молодые спиваются, не только мужики, но даже бабы. Поселок пьяный, гулящий. Водку завозят регулярно, дешевую, пей – не хочу. Вот сейчас, весной, трое в Молчанке потонули, совсем дети, мальчишки, надумали с пьяных глаз доплыть на лодке до прииска и пропали. А через неделю нашли одного, всплыл. Где другие – неизвестно.

– А что за прииск? – быстро спросил Никита, чувствуя, как сильно стукнуло сердце.

– Ну, не прииск, только так называется. Гиблое место. До войны там лагерь был, заключенные золото мыли, а сейчас... Ну его, не будем говорить... А я вот, видишь, облачение новое купил, – произнес он громко и кивнул на потертый здоровенный чемодан у ног, – иконы две. Пантелеймона-целителя и Казанскую Божью Матерь. С самого Синедольска везу. Старых-то икон совсем не осталось у нас, все разворовали. А теперь ни-ни, храм отреставрировали, решетки на окнах, и знаешь, еще сигнализацию провели. Никто не полезет. Это раньше храм разваливался, дверь на одном гвозде висела, окна повыбиты. А теперь другое дело. Нардоваться не могу, какой стал у нас храм.

– А приход большой?

– Да какой там! Десять человек.

„Интересно, на какие же деньги реставрировали храм, да еще сигнализацию провели, если такой маленький приход? – подумал Никита. – Пьяный поселок, прииск... А ведь я, кажется, не ошибся. Даже не верится...“

К поселку катер причалил в сумерках. Среди пассажиров, сошедших на берег, Никита сразу заметил двоих бритоголовых, в черной коже, с огромными накачанными плечищами. Они были налегке, без багажа, и у крошечной пристани их ждал „газик“ военного образца.

– Вот они, хозяева, – прошептал батюшка, кивнув на кожаных, – странно, что катером плыли. Обычно на вертолетах летают. Впрочем, погода сейчас нелетная, вон как заволокло, туман. Гляди, опять снег пойдет.

Никита подхватил чемодан отца Павла. Он оказался совсем легким, несмотря на внушительные размеры. По скользкому суглинку они поднялись к поселку, к его главной улице, если можно так назвать ряд бревенчатых черных заборов.

Фонарей было мало, и светили они совсем тускло, но в конце улицы, во мраке, ослепительным белым светом полыхал стеклянный куб, огненными буквами светилась вывеска: „Гастроном“. Внутри чернели силуэты людей, снаружи стояло несколько баб и мужичков. Подсвеченные красно-белым неоном, они казались призраками, они не держались на ногах, пошатывались, какой-то тонкошей лопухий подросток в ватнике, уныло матюкнувшись, свалился в суглинок, прямо у ног Никиты и отца Павла, и остался так лежать. Крепкий запах перегара ударил в нос.

– Сегодня водка идет со скидкой, почти бесплатно, – объяснил отец Павел, – и так дешевая, а по выходным, считай, даром дают.

– А продукты?

– С продуктами тоже ничего. Снабжают.

– Кто же так заботится о вас? – спросил Никита равнодушным голосом.

– Ох, не спрашивай, сынок. – Он тяжело вздохнул, поохал немного и шепотом, в самое ухо, произнес: – Бандиты, вот кто!

– И зачем им это?

– Они знают зачем... Не надо, сынок. Нехороший это разговор. Не нужный, ни тебе, ни мне... А то давай не в сторожке, давай прямо у нас, – заговорил он, оживившись после долгой паузы, – мы с матушкой моей все равно вдвоем. Завтра баньку тебе истопим. Ты здесь встречаться с кем должен? Или так, сам по себе будешь смотреть нашу природу?

– Я сам по себе. Мне, собственно, даже не природа нужна, а места бывших лагерей.

– Вот оно что! Так какая же это экология? Это по-другому называется, – быстро произнес батюшка и ускорил шаг.

За холмом показался светлый купол с крестом. Храм действительно был как новенький. И дом священника выглядел внушительно. Бревенчатая изба-пятистенка с блестящей жестяной крышей, с кирпичной новенькой трубой.

– Затопила матушка-то. И правильно. Холод такой. Заходи, Никита, не стесняйся.

Матушка, Ксения Тихоновна, оказалась кругленькой румяной старушкой, хлопотливой, разговорчивой, ни минуты не могла усидеть, даже когда стол был накрыт и все готово к ужину. К появлению гостя из Москвы отнеслась без всякого удивления и с такой радостью, что Никите стало неловко.

– Мы скучно живем. Сыновья навещают редко, раз в году, а внуки и того реже. Все одни да одни. Приход маленький, иногда служить приходится в пустом храме. Да ты капустки бери, рыбки попробуй. Сама коптила.

Никите пришлось подробно рассказать про своих родителей, про бывшую жену Галину и дочку Машу, и даже объяснить, почему развелся семь лет назад. Стандартная формула „не сошлись характерами“ любопытных стариков не устроила.

– Не любили друг друга, женились из-за ребенка, но все равно не получилось семьи.

– Венчались? – сочувственно поинтересовалась матушка.

– Нет.

– Вот потому и не получилось. Венчаться обязательно надо. Так ты о чем писать-то собираешься?

– О бывших лагерях.

– И чего же в них такого интересного? – пожала плечами Ксения Тихоновна. – Тем более в наших местах до сих пор работают заключенные. Он не бывший, лагерь-то, а самый настоящий. Действующий.

– Ну-ка, мать, погляди, картошка у тебя там не горит? – легонько хлопнув ладонью по столу, повысил голос отец Павел. – И заслонку приоткрой, дымит.

– Молчу, молчу, отец. – Старушка испуганно зажала рот ладонью и бросилась к печке.

– Вот ведь баба, язык без костей, – проворчал отец Павел, – я тебе, Никита, прямо скажу. В нашу зону лучше не лезь. Целее будешь. Вот, в Помху езжай, там рядом лагерь небольшой, заброшенный. Фотографируй, описывай сколько душе угодно.

– А что у вас? – тихо спросил Никита.

– Тех двоих видел на пристани? Вот такие у нас и хозяйничают. Я же сказал, бандиты, – старик перешел на шепот, перегнулся через стол, – если узнают, что ты из Москвы, да еще писать собираешься, фотографировать, живым отсюда не уедешь. И учти – я не пугаю. Как говорю, так и есть. Лицо у тебя хорошее. Не знаю, чего тебе надо на самом деле, может, ты из

милиции, из прокуратуры, меня не касается. Ты мне в сыновья годишься по возрасту. И я тебе по-отцовски советую – не суйся туда. Да и не получится. Там охрана, проволока под током.

– Значит, все-таки прииск? – задумчиво произнес Никита. – Золото...

– Какое золото? Нет его давно, – быстро пробормотал старик и перекрестился, – прости, Господи...

– Вы сами были там?

– Не вводи во грех, не могу я врать, – старик поморщился болезненно, – но рассказать тоже не могу. Мне видишь, как рот-то заткнули. Храм отреставрировали, денег отвалили и на дом, и на утварь церковную. На, поп, подавись, только молчи. Был я там. Близко, правда, не подходил, но видел их.

– Кого?

– Несчастных этих. Рабов. Вот кого. Вертолет как раз сел, их выводили. Площадка-то не на самом приiske, подальше. Вышли они, смотрю, странные такие, не шабашники, не зеки. Женщины, подростки. Мужчин совсем мало. И одеты все хорошо. Очень даже хорошо, по-городскому. Только лица какие-то особенные у них. Знаешь, как будто бесноватые они. Глаза застывшие, глядят в одну точку, бледные все. Я смотрю – ну какие из них работники? Хотел даже подойти, тогда еще охраны серьезной не было, только все начиналось, пять лет назад. Я как раз к леснику приехал, к Николаю, царствие ему небесное. Помирал он, и надо было исповедать, причастить. А домик их стоял совсем близко от вертолетной площадки. Вот я и посмотрел на первых старателей. Правда, нас с Клавдией, с лесничихой, живо заметили, отогнали, мы сначала думали, прибудут совсем. Но ничего, обошлось. Только потом пришли ко мне двое, прямо в храм, и был у нас разговор. Все, говорят, получишь, поп, только молчи. А видишь, болтаю, старый дурак. Грех-то какой. Искушение. И молчать грех, и не молчать – тоже... Вот я тебе рассказываю, а сам думаю, что случись с тобой – опять же я виноват...

Ксения Тихоновна все это время молча возилась у печки, только шумно вздыхала и наконец подала голос:

– Хватит, отец. Может, их ищут, этих страдальцев, а мы молчим с тобой столько лет, греха не боимся. Кто-то ведь должен знать. Вчера Клавдия за хлебом приезжала, говорит, там могилу братскую размыло, вниз по течению. Человек двадцать, не меньше, царствие небесное. Они хорошо сохранились, женщины молодые, детки-подростки.

– Клавдия – это лесничиха? – быстро спросил Никита.

– Она самая, – кивнул отец Павел, – домик ей перестроили подальше от площадки, одна там живет.

– Как мне до нее добраться?

– И не вздумай! – старик помотал головой. – А увидит кто?

– Она здесь еще, Клавдия, – пробормотала Ксения Тихоновна, ни на кого не глядя, – у снохи ночует. Завтра на рассвете назад пойдет.

– Двадцать километров пешком, – мрачно добавил отец Павел, – раньше мерин у нее был, так она на телеге ездила. Теперь издох мерин, ходит пешком. Она привычная, а ты городской, не осилишь.

– Если что, Клавдия скажет, племянник, – прошептала Ксения Тихоновна, – из Синедольска племянник...

Глава 6

– Эй, командир, ты живой, в натуре, или как? – Голос звучал совсем близко и отдавался в голове тупой болью. Егоров с трудом разлепил веки. Сквозь пелену метели маячили над ним два больших темных пятна.

– Ну ты чего, мужик, в натуре, перебрал, что ли? Вставай, замерзнешь.

– Я не пил, – хрипло произнес Егоров, – на меня напали.

– Ограбили? Так, может, это, „скорую“ вызвать?

– Не надо. Который час?

– Двенадцать.

– Дня или ночи?

– Ты что, ослеп, что ли, командир? Ночь, в натуре. Спать пора.

Вдали светились толстые прозрачные колонны-аквариумы, в них плавали, радужно переливались огромные рыбы. Они смотрели прямо на Егорова. Одна выпячивала губу и напоминала Гришку Русова. Другая щурила глаза и была похожа на плосколицего лысого гуру. Иван Павлович попытался встать на ноги, сделал резкое, неловкое движение и тут же обмяк.

– Слышь, командир, живешь-то далеко?

– Не очень.

– Деньги остались какие-нибудь или все вытащили?

– Не знаю.

– Ну ты даешь, в натуре! Не знает он! Посмотри, проверь.

Ему помогли встать. Он нащупал бумажник во внутреннем кармане летчицкой шинели, вытащил, раскрыл. При зыбком свете далекого фонаря пересчитал несколько купюр.

– А говоришь, ограбили. Бумажник-то на месте. Ладно, давай нам сотню, вон, у тебя там еще два полтинника есть. Один на такси, другой на завтра, чтоб опохмелиться.

Он так и не разглядел их лиц, но понял, что это были мальчишки, не старше восемнадцати. Пьяненькие, веселые, они взяли у него сотню, вывели на дорогу, поймали машину и исчезли в сизой ночной метели.

Следующие два дня Егоров пролежал дома с высокой температурой. Один раз к нему в комнату заглянул Федя, принес чай с лимоном. Потом они все трое исчезли до позднего вечера. В последнее время они вообще все реже бывали дома, только ночевали.

Поправился Егоров быстро. Удар по шее, как и в прошлый раз, не имел никаких последствий, не осталось даже слабого синяка. Через два дня, вполне здоровый и даже отдохнувший, он отправился в рейс. Когда вернулся, Оксаны и мальчиков дома не оказалось.

Стояла глубокая ночь, выла метель. Он обшарил квартиру. Не было двух чемоданов, из шкафов пропали теплые вещи. В ванной в пластмассовом стаканчике одиноко торчала зубная щетка Ивана Павловича. А в общем, все осталось на месте. В квартире было чисто и страшно тихо.

Егоров дотерпел до утра и кинулся в Дом культуры, где в последнее время занималась группа.

– Они сняли какое-то другое помещение, – сказали ему.

Разумеется, нового адреса никто не знал. Когда Егоров спросил, не осталось ли каких-то документов, например договора об аренде, ему грубо указали на дверь, заметив, что он лезет не в свое дело.

Из Дома культуры он побежал в милицию.

– Моя жена уехала ночью куда-то и увезла детей.

– Очень сожалею, – пожал плечами сонный дежурный.

– То есть как – сожалеете? Вы должны искать, объявить их в розыск.

– На каком основании?
– На основании... секты! Они попали в секту, их там свели с ума, а потом украли.
– Имущество какое-нибудь пропало? – поинтересовался дежурный.
– Нет. То есть да. Они взяли с собой теплые вещи.
– Ну правильно, зима на дворе.
– Значит, вы их искать не будете?
– Ваша жена является матерью ваших детей?
– Да, – печально кивнул Егоров, – я понимаю. Я вас отлично понимаю.
– Я вас тоже, – усмехнулся дежурный, – вы так уж не переживайте. Вернутся они, никуда не денутся. Попробуйте родственников обзвонить, подружек.
– Попробую...

Из отделения милиции Егоров отправился в детективное агентство. Двор у старинного особняка был завален стройматериалами, здание обтянуто зеленой сеткой.

– Здесь капитальный ремонт, – сообщил Егорову какой-то иностранец в синей спецовке, то ли турок, то ли югослав.

Иван Павлович помчался в юридическую консультацию и узнал, что адвокат, порекомендовавший ему агентство „Гарантия“, уехал в Америку.

* * *

За тонкими стенами, в соседних квартирах-каморках шла напряженная, бурная жизнь, не затихавшая ни днем, ни ночью. Зинулины веселые соседи орали, ругались, пели песни, колоутили друг друга. Когда визги разрывали уши, Зинуля стучала в стенку обломком старого этюдника. Ответом была свежая, бодрая матерная рулада.

Иногда все звуки перекрывал мощный, торжественный рев океанского прибора. В первый раз, когда среди общего шума зазвучало оглушительное штормовое соло, Никита спросил, не рухнет ли дом, Зинуля успокоила его:

– Это сосед слева спать завалился.

Перед отъездом Зинуля взяла у него денег, сходила в магазин и вернулась с двумя огромными пакетами.

– Здесь тебе еды хватит дня на три-четыре, – сообщила она, – потом придется выйти. Холодильник работает плохо, морозилка совсем не морозит, так что долговременных запасов сделать нельзя. А если ты будешь питаться одними консервами и сухофруктами, заработаешь гастрит.

Потом она долго и подробно инструктировала Никиту, как чем пользоваться в ее конурке.

– Замок заедает. Когда вставляешь ключ, смотри, сначала прижми вот здесь пальцем. И не дергай, имей терпение. Он откроется, но не сразу. Холодильник течет со страшной силой, поэтому не забывай подкладывать тряпку. Единственная ценная вещь в доме – стиральная машина. Но включай очень осторожно, лучше в резиновых перчатках. Она не заземлена, может убить.

– Как это? – не понял Никита.

– Ну, если ты мокрый, к примеру, притронешься, током шарахнет очень сильно, – объяснила Зинуля.

– Так чего же ты электрика не вызовешь, чтобы починил?

– Не чинить надо. Заземлять. А чтобы электрика вызвать, надо на это день потратить, дома сидеть, ждать его. Мне некогда и лень. Ладно, Ракитин, не отвлекайся. Слушай и запоминай. Вот этой розеткой не пользуйся ни в коем случае. От нее воняет паленой пластмассой. Может загореться.

– Но рядом со столом больше нет розеток, – заметил Никита, – мне ведь надо компьютер включать.

– Ничего страшного. Найдешь удлинитель.

– Где?

– Где-то есть. Поищешь и найдешь. Кстати, насчет компьютера. Там батарейки в порядке?

– Должны быть в порядке. Он ведь новый. А что?

– Здесь часто отключают электричество. Я, конечно, в компьютерах ничего не понимаю, но знаю, что если он выключается из сети в процессе работы, могут пропасть большие куски текста. Просто предупреждаю, следи за этим. Свет вырубают постоянно, почти каждый день, иногда на пять минут, иногда на час. Есть керосинка и свечи. Видишь, канистра у окна? Здесь керосин.

– Зачем тебе столько? – удивился Никита.

– Во-первых, масляную краску хорошо смывает, во-вторых, для лампы, а в-третьих, в прошлом году у меня были вши. Вот я и запаслась.

– Вши?

– Ну да, – поморщилась Зинуля, – их, гадов, лучше всего керосинчиком. У меня теперь большой опыт. В соседней конуре алкаш-отморозок живет, у него, что ни месяц, новая любовь. В прошлом году появилась подруга с девочкой пяти лет. Эти два придурка пили и ребенком закусывали.

– То есть?

– Ну, колотили девочку каждый день, не кормили совсем. Я ее забирала к себе иногда, вот и заразилась вшами. Потом она исчезла вместе с мамашей. Сосед себе новую пассию завел, бездетную. Ну чего ты так смотришь? Нет больше вшей, не бойся. А вообще, старайся поменьше общаться с местной публикой.

– Это понятно, – кивнул Никита.

– Пока тебе ничего не понятно. Вот как начнет сосед в дверь ломиться, денег просить, тогда поймешь. Да, дверь не открывай никому ни за что, даже если будут орать: „Помогите, убивают!“ – все равно не открывай.

– А что, часто убивают?

– Нет. Но орут каждый день. И еще, на всякий случай, держи запас воды в трехлитровых банках. Воду тоже отключают, не только горячую, но и холодную. Так, вроде все сказала... – Зинуля задумчиво оглядела комнату, – если будет охота прибраться, я не обижусь. Документы лучше держи в этой коробке, – она показала большую жестянку из-под французского печенья, – единственное надежное место. Я тебе на всякий случай оставляю свой телефон в Питере. Если что, звони. Вот, смотри, пишу крупно и кладу в эту жестянку, чтоб не пришлось искать.

Как только Зинуля уехала, он достал свой ноутбук. При ней он так и не сумел сесть за работу. В маленькой комнатенке было негде повернуться, Зинуля говорила, не закрывая рта, подробно рассказывала, как жила эти пять лет, что они не виделись, как дважды попала в реанимацию. Один раз отравилась пельменями, а второй – когда ее избили пьяные металлисты на Арбате, где она торговала иногда своими картинами.

– Я вижу, тебе не терпится засесть за компьютер. Честно говоря, не представляю, как ты в таком шуме будешь работать. Я ведь помню два твои главные условия: одиночество и тишина. Одиночество гарантирую, а вот что касается тишины, не обессудь. Ее не будет.

– Я уже успел заметить, – кивнул Никита.

– Что писать собираешься? Опять небось криминальный роман?

– Почти.

– Господи, хоть бы стишок сочинил. Слушай, Ракитин, правда, сочини стишок, будь человеком. Вдруг тебя вдохновит моя конура? Я вернусь, а ты мне подаришь.

– Попробую. Но не обещаю.

– Да уж, разумеется, – презрительно фыркнула Зинуля. – Ладно, кропай свое массовое чтиво.

* * *

Лесничиха Клавдия Сергеевна оказалась на редкость молчаливой. На все вопросы Никиты она отвечала только „да“, „нет“ или вообще ничего. Несмотря на свои семьдесят три года, она шла по тайге удивительно легко. Перед приветливой зеленой полянкой, на которую так хотелось ступить после просеки, заваленной стволами, лесничиха обернулась:

– Смотри, иди за мной, след в след. Это болото.

Каким образом она отличала твердые кочки от трясины, Никита так и не понял, но ступала она точно. Только иногда нога ее, обутая в залатанный кирзовый сапог, замирала на миг и тут же уверенно, спокойно опускалась на твердую кочку, внешне неотличимую на ровной поверхности трясины.

За пять часов пути было всего два привала. Костер не разводили, перекусывали хлебом, холодной вареной картошкой и крутыми яйцами, пили колодезную воду из широкой плоской фляги.

Нехорошо было то, что, кроме отца Павла, Ксении Тихоновны и самой Клавдии Сергеевны, видела Никиту еще и сноха лесничихи, баба лет сорока с небольшим, любопытная, болтливая до невозможности, к тому же, судя по отечному красному лицу, большая любительница выпить.

– А чего племянник-то раньше не появлялся? Ай какой худой, жена, что ли, плохо кормит? Ну смотри-ка, Клавдия, культурный он у тебя, чей же будет он? Бориса сынок? Или Нинкин? Чтой-то не пойму я, у Бориса вроде Петька, так он беспальный, топором себе по пьяни отхватил пальцы, а у Нинки две девки... Племянник...

– Так он не Клавдин, – нашлась Ксения Тихоновна, – мой он. Двоюродный. Ты просто не поняла, набралась с утра, вот и не слышишь, что говорят.

– Ага, ага, – быстро закивала сноха, – а чего к Клавдии-то идет?

– Крышу починить, – буркнула лесничиха.

– Ага, ага, крышу... Так мой бы Санька тебе за бутылку и починил. Этот-то, городской, гляди, руки какие у него, чего он там починит?

– Я на столяра учился, – подал голос Никита.

От снохи кое-как отвязались, но осталось нехорошее чувство. И чувство это не обмануло. Пока Никита шел с лесничихой по тайге, уже все завсегдатаи стеклянного гастронома знали, что к попадье приехал племянник. Городской, культурный, худой, белобрысый. Приехал, хотя раньше никакого такого двоюродного никто у попа с попадье в гостях не видел. Да зачем-то попер пешком двадцать километров с бабой Клавдией в тайгу, дескать, крышу ей чинить.

...Над тайгой повисли тяжелые сумерки. Выпала роса, стало холодно.

– Устал? – обернулась лесничиха.

– Немного, – признался Никита.

– Покойников не боишься?

Он давно уже почувствовал странный, сладковатый, совсем не таежный запах, который нарастал с каждым шагом и вызывал какую-то особую, тяжелую тошноту. Между стволами показался ясный просвет, через минуту они вышли к пологому берегу Молчанки. Земля была мокрой, хлюпала под ногами, как болото.

Никита расчехлил фотокамеру. Руки дрожали. Он не мог смотреть, не мог дышать. Лесничиха осталась позади. В объективе он видел лица, детские, женские. Они сохранились, пролежали несколько месяцев в промерзшей земле, потом в ледяной воде, к ним еще не успели подобраться медведи, да и не было здесь зверья, так сказала лесничиха. Слишком много шума

вокруг, вертолетная площадка, иногда стрельба. Охранники прииска любили поохотиться на досуге, и таежное зверье обходило эти места за несколько километров.

Надо было сделать еще пару шагов, чтобы четко получились лица на фотографиях. А сумерки наваливались, густели. Сработала вспышка, один раз, потом еще и еще. Камера фиксировала не только лица. Сквозь объектив Никита видел молодую женщину в разодранной одежде, на груди, чуть ниже ключиц, чернела пентаграмма, перевернутая пятиконечная звезда, вписанная в круг. Такие же были еще у нескольких – у мальчика-подростка, у пожилого мужчины. Наверное, у всех...

Вспышка разрывала темноту, ветер шумел, раскачивал верхушки сосен с такой силой, что казалось, сейчас сметет все – лес, реку, братскую могилу, Никиту с фотокамерой, лесничиху Клавдию Сергеевну. Гул нарастал, дрожал в ушах.

– Вертолет! – услышал Никита отчаянный крик. – Отходи, беги к лесу!

Он оторвал камеру от лица, ошалело огляделся. Сзади совсем низко, над верхушками сосен, плыли прямо на него белые огромные огни. Он стоял на открытом пологом берегу и не мог дышать. Ноги по щиколотку увязли в ледяной раскисшей земле.

– Беги, сынок! – кричала лесничиха, но слабый голос сел от первого крика, и получался хриплый шепот, который Никита не мог расслышать из-за шума ветра и гула мотора. К лесу он рванул инстинктивно, просто потому, что надо было спрятаться от этих белых наплывающих огней. Рванул и, конечно, не заметил, как упала яркая глянцевая обертка от кодаковской фотопленки.

– Ну все, миленький, все, сынок, успокойся, – лесничиха жесткой шершавой ладонью провела по его щеке, – сейчас до дома дойдем, чайку горячего... чайку тебе надо. И спирту. Утром доведу тебя до шоссе, на попутке доберешься до Помхи, оттуда сразу на катере до Колпашева. В Желтый Лог не возвращайся. Не знаю, видели они тебя или нет, но лучше не возвращайся.

Он не помнил, как дошел до дома лесничихи. Дрожал огонек керосинки, в печке весело потрескивали дрова. Старуха протянула стакан, зубы стучали о край. От спирта дрожь и тошнота немного отпустили.

– Носки надень шерстяные, простудишься...

Он послушно разулся, отдал старухе тяжелые, намокшие кроссовки.

– Вещи какие остались у батюшки?

– Нет, все с собой...

– Ложись-ка, залезай на печку. Эка трясет тебя... Спи. Вот, хлебни еще и спи. Завтра уходим с тобой рано, на рассвете. А то ведь могут сюда заявиться, нелюди. Вдруг заметили с вертолета.

Он сделал последний глоток спирта и провалился в тяжелый, обморочный сон, как в ледяное болото. Ему снились белые слепые огни, снилась страшная братская могила.

На рассвете старуха разбудила его, напоила чаем. Она опять стала молчаливой и неприветливой. До шоссе дошли за два часа. Никакой погони не было, казалось, его появление на берегу Молчанки так и осталось незамеченным. Но он отдавал себе отчет, что это только сейчас так казалось.

Прощаясь с лесничихой, он протянул ей деньги, пятьсот рублей.

– Спаси, Господи. – Она взяла не считая и, помолчав, пожевав губами, добавила еле слышно: – Знать бы имена этих убиенных, помолиться бы за упокой.

– Два имени я знаю. Оксана и Станислав, – медленно произнес Никита, – может, все-таки мне в милицию пойти, когда до города доберусь?

– Не надо, сынок.

– Почему?

Она долго молчала, покряхтывала, шамкала запавшим беззубым ртом, потом произнесла:

– Я помолюсь за Оксану и Станислава. Им вечный покой, тебе здоровье и сил побольше. Будь осторожней, сынок. Нигде не задерживайся. Улетай отсюда. Храни тебя Господь. – Она быстро перекрестила его и ушла, исчезла в тайге, не оборачиваясь.

Машин на шоссе не было. Никита побрел в сторону Помхи, и только через полчаса подобрал его грузовик-лесовоз и доставил за полтинник почти до самой помховской пристани.

Катер пришел довольно скоро. Никита курил на задней палубе, глядел, как солнечный свет преломляется в мельчайших водяных брызгах и мчится вслед за катером тонкая яркая радуга, мчится от Помхи, мимо Желтого Лога, до самого Колпашева.

Он попытался на свежую голову понять, где и как мог наследить. Паспортные данные в колпашевской гостинице да болтливая сноха. Все. С вертолета его вряд ли успели заметить. Старики, конечно, будут молчать. Про глянцевую обертку от фотопленки он даже не вспомнил.

И все-таки он был почти уверен, что не выберется, не долетит до Москвы. Но выбрался и долетел. Видно, хорошо молились за него лесничиха Клавдия Сергеевна, да еще отец Павел со своей матушкой, Ксенией Тихоновной.

* * *

В метро хорошо, тепло. Иногда можно даже вздремнуть на лавочке, перед въездом в туннель, или хотя бы просто посидеть, дать отдых ногам и спине. Но не в рабочее время, конечно. Если хозяйке стукнут, это ничего, она тетка не строгая. Ей все равно, сколько часов ты работаешь, сколько спишь. Главное, норму выполняй.

Самое рабочее время – позднее утро, ближе к полудню, и вечер, после девяти. А в часы пик можно и поспать. Все равно в вагон не влезешь. Да и люди злее в толпе. Орут, толкаются. Вот когда сидят свободно, газетки почтывают, тогда самое оно. Тогда не спи, работай.

– Граждане пассажиры, извините, что обращаюсь к вам. Мама умерла, нас осталось у старенькой бабушки пятеро. На хлеб не хватает. Подайте, Христа ради, сколько можете. – Ира произносила свой текст громко, выразительно, нараспев. Она знала, что, если слишком уж канючить, пускать сопли, эффект не тот. Надо делать вид, будто тебе стыдно просить.

Впрочем, у каждого свои методы. Борька-цыган сразу падает на коленки, хватается пассажиров за ноги. Выберет тетку потолще и вперед. „Те-тенька, ку-шать хочу, да-айте сиротке на хлебушек!“ Борьке дают, но мало. Не из жалости дают, а чтоб отстал поскорей, пальто не испачкал своей сопливой мордой.

Ира на коленях не ползает, а получает больше. Ей-то как раз дают из жалости. У Иры главный козырь – младенец за спиной. Она сама маленькая, в свои четырнадцать выглядит лет на десять, а тут еще сосунок к спине привязан, чумазый, бледный. Хорошо, если совсем маленький, легкий. Но иногда доставался Ире ребенок постарше, годовалый, не меньше десяти кило.

Их меняли примерно раз в месяц. Сначала Ире было жаль сосунков, все пыталась подкормить, закутать потеплей. Глупая была. Не понимала, что жалеть надо только себя, и больше никого.

Сосунков подбирали на вокзалах, иногда покупали по дешевке у опустившихся проститутток, пьянчужек, у девчонок, которые с детства на иглу подсели и ничего уже не соображают. У хозяйки глаз наметан, если видела, что у какой-нибудь оторвы пузо растет, сразу аванс выдавала. А кто может родиться у оторвы? У нее спирт вместо крови.

С утра сосунков поили молоком, в которое хозяйка добавляла жидкую „дурь“ или толченые „колеса“. Это чтобы спали, не орали. Если сосунок орет, работать невозможно. Пассажиры злятся, раздражаются.

Попадались младенчики такие слабые, что спали весь день сами по себе, без всяких добавок. Тоже экономия. Хозяйка денежки аккуратно считала. „Колеса“ денег стоят, а „дурь“ тем

более. Но, с другой стороны, слабые жили совсем мало. Ира боялась таких брать. Однажды сосунок помер прямо у Иры за спиной. Было страшно таскать на себе мертвяка, но куда денешься? Пока не выполнена дневная норма, надо ходить по вагонам. У самой коленки тряслись: вдруг кто заметит, что сосунок не дышит. Но ничего, обошлось.

Сейчас у Иры за спиной была девчонка годовалая, здоровенная, как кабанчик. Дергалась во сне, колотила ногами. Ира тяжело ступала по вагону, согнулась пополам, заглядывала в глаза пассажирам и все время беспокойно косилась на новенького пацана. Хозяйка велела присматривать за ним. Он странный был, вялый, тощий и совсем дурачок. Говорить не мог, смотрел в одну точку, но команды понимал и выполнял аккуратно. Скажешь ему:

– Иди, руку протяни, тебе туда денежку кинут. Ты эту денежку потом мне отдашь.

Подобрали его два дня назад на Казанском вокзале. Сидел в углу, прямо на полу, в полном отрубе. Ира его первая заметила, стала крутиться, наблюдать. Поблизости никого взрослых нет. Может, потерялся, а может, специально оставили.

Таких больших редко оставляют. Бросают в основном сосунков, которые следом не побегут. Ира все ждала, вдруг по радио объявят, мол, внимание, потерялся мальчик. Тогда надо сразу уходить от него подальше, не вертеться. Но ничего такого не объявляли. Значит, никто не ищет. Не нужен никому.

Пацан одет был хорошо, курточка дорогая, джинсы, ботинки, все как у домашнего ребенка. На вид лет восемь, но это из-за худобы. На самом деле больше. Ира на его куртку запала. Она давно мечтала о такой, теплой, легкой, не на вате или там синтепоне, а на настоящем пуху. И главное, пацан в полном отрубе, вокруг никого. Подходи и снимай. Ира уже на корточки перед ним присела, в лицо заглянула, окликнула:

– Эй, малахольный, ты чего?

Ни малейшей реакции. Глаза закрыты, сам бледно-зеленый. Может, „дури“ накачался или вообще больной. Хоть догола раздевай – не почувет. Она уже и „молнию“ легонько потянула, но тут, как назло, Борька-цыган подскочил, а за ним дед Косуха, который у хозяйки в „шестерках“ ходит. Она заволновалась, испугалась, что курточка ей не достанется, сразу на Борьку цыкнула:

– Пуховичок мой, учти. Тебе он все равно велик.

– Убью, заязя! – весело ответил Борька убежал по своим делам.

Все у него были „заязи“ (он „р“ не выговаривал), и всех он грозил убить, правда, без злобы. Просто такая у него присказка была.

Малахольного подняли под локотки, повели потихоньку. Никто ничего не заметил. Менты шныряли по залу ожидания, но смотрели мимо.

Ирка потом намекала хозяйке, мол, она первая его нашла. Пацан-то подходящий. Глазищи синие, большие, как блюдца, личико жалобное, а главное – молчит, ничего ему от жизни не надо. За два дня жрал всего три раза, горбушку сухую пожевал, водой простой запил. Ира заметила, что на груди у него, под ключицами, наколка, звезда вверх ногами, вписанная в круг. Спросила:

– Это что у тебя?

Он не ответил. Да такого и спрашивать нечего, молчит, совсем дурной. Ира кликуху ему придумала: Меченый. Кликуха всем понравилась. Так и стали называть.

Хозяйка Ирку похвалила, курточку отдала, только велела порвать немного и запачкать. А про Меченого сказала:

– Гляди за ним в оба, странный он, пришибленный какой-то.

Вот Ира и глядела. Два дня все было нормально. Давали новенькому много. На него и правда без слез не взглянешь. Идет молча, словно во сне, ладошку свою тоненькую тянет, глазищи синие в пол-лица.

Поезд уже подъезжал к станции „Комсомольская“. Ира к новенькому подобралась поближе, шепнула на ухо, мол, давай, выходим. Вдруг какая-то баба вскочила и заорала во всю глотку:

– Федя! Феденька Егоров! Ты что здесь делаешь! Товарищи, я знаю этого мальчика! Надо милицию вызвать! Его украли! Федя, ты что, не узнаешь меня? Я Марья Даниловна, соседка из тридцать второй квартиры!

Поезд выехал из туннеля. Ира кинулась вон из вагона не оглядываясь. За Борьку-цыгана она не волновалась, он хоть маленький, пять лет всего, но шустрый. Мигом соображает, когда надо линять. А этот новенький – ну что делать? Нашелся он. Повезло пацану. Дурачкам всегда везет.

Глава 7

Черный джип мчался по Пятницкому шоссе на скорости сто пятьдесят. Была глубокая пасмурная ночь. Жиденькие подмосковные перелески казались в темноте дремучим черным лесом. В придорожных деревнях не светило ни одного окошка.

Джип мчался в сторону Солнечногорска. Плотный слой грязи закрывал номерные знаки, но это не имело значения, так как они все равно были фальшивыми.

В машине сидело трое. Молодые, крепко накачанные, с золотом на запястьях, пальцах, на бычьих толстых шеях. Огни редких встречных машин выхватывали из темноты тяжелые мрачные лица.

Тот, что сидел рядом с водителем, держал в руке радиотелефон.

– Да сделаем мы его, не переживай. Тут вот с деньгами надо решать... а то, что совсем другой выходит расклад... Нет, мы договаривались на тридцать... Не знаю, откуда ты взял эту цифру. За двадцать пять ищи других... Ну, не надо мне заливать. Не мы облажались, а ты неправильную дал информацию. Ты нас подставил. Как? Будто сам не знаешь. Во-первых, у парня реакция отличная, а ты говорил, он полный лопух. Да, за лопуха можно было и двадцать пять. Да мы вообще еще твоих денег в руках не держали. Ну правильно, аванс. А разговор шел о всей сумме сразу. Что нам твоя десятка? Ну, не знаю, может, для тебя и деньги... Нет, прямо сейчас не можем. Заняты мы... А вот это тебя не касается. Не мы упустили, надо было думать с самого начала, кого заказываешь. Ну я что, совсем, что ли? Не могу лопуха от профессионала отличить? У него же реакции боксерские... Значит, в Выхине, говоришь? Так... номер дома... Он точно там, или ты пока не выяснил, не знаешь? Понятно... Ладно, все... Завтра сделаем.

– Он че, в натуре, еще возникает? – вяло бросил водитель, когда его товарищ закончил разговор. – Он че, каз-зел, совсем, что ли?

– Умный, блин, – хмыкнул в ответ товарищ, – думает, купил нас за свою паршивую десятку. Знаешь, че звонил? Вычислил, где может клиент отсиживаться. Прямо сейчас, говорит, дуйте туда. Проверьте, говорит, и, если там, сразу делайте. Сию секунду. Умный.

– Мы ему че, „шестерки“, в натуре? Пусть сам сначала проверит, уточнит. Или пусть платит в два раза больше. Мы че, совсем, что ли, это самое, в натуре, светиться за такие бабки? – подал свой рассудительный тихий голос с заднего сиденья самый юный из трех товарищей. – Сию секунду... Деловой...

– И правда, деловой. Ща, побежали, каз-зел... – засмеялся водитель.

За поворотом открылся широкий пустырь, застроенный темными громадами трехэтажных вилл. Строительство только закончилось, в поселке никто еще не жил. Дома предназначались для очень состоятельных людей, при каждом – стеклянный зимний сад, внутри – по западному образцу по несколько ванных комнат, кроме того, специальное помещение для тренажеров, в котором целиком поднималась стена, если вдруг хозяин захочет качать мышцы на свежем воздухе.

Одно плохо – виллы стояли на голом пустыре, не отгороженные ни деревьями, ни кустарником, слишком близко друг к другу, и при всей роскоши немного напоминали курятники или бараки. Какой-нибудь бедный дачник, проезжая к своим шести соткам на „Запорожце“ или „Москвиче“ мимо только что отстроенного поселка для „новых русских“, мог отчасти утешить справедливую зависть тем, что они, „новые русские“, будут жить друг у друга на головах, шумно и суетно, почти как на стандартных шести сотках.

Но пока поселок был пуст и тих. Мебель и прочее имущество не завезли, настоящую охрану поставить не успели. Вроде должен был сидеть кто-то в будке у ворот, но либо спал, либо ушел по своим делам. Сторожить пока нечего.

Только в одной вилле, у самой кромки дубовой рощицы, светился на третьем этаже слабый огонек. Там, в комнате, еще не обставленной мебелью, романтически горела свеча. Хозяин виллы, бизнесмен средних лет, пригласил свою новую секретаршу взглянуть на дом и никого, даже собственную охрану, не предупредил об этом. Поступок весьма легкомысленный, но что делать? Бизнесмену необходимо было расслабиться и поближе познакомиться с новой сотрудницей, а супруга его, дама бдительная и вспыльчивая, могла бы огорчиться всерьез, если бы кто-то из охраны потом проболтался ей в случайном разговоре.

Трое в джипе давно ждали подходящего момента, чтобы обсудить с бизнесменом некоторые щекотливые проблемы. Он должен был им много денег и отдавать не хотел.

Джип сбавил скорость, погасил фары.

– Сходи-ка, Сева, посмотри, кто там есть, – бросил через плечо водитель.

Сева, самый юный, сидел на заднем сиденье и волновался сильнее своих товарищей. К стрельбе на поражение он уже успел привыкнуть. Но сейчас предстояло другое. Не просто автоматная очередь по движущейся живой мишени, а серьезный разговор, выбивание долга.

Перед его жадным мысленным взором мелькали впечатляющие кадры из крутых боевиков. Дрожащий, в холодном поту, должник-бизнесмен с полиэтиленовым мешком на голове, красивая, непременно голая девушка на полу, в крови, с кляпом во рту. Яркие картинки и пугали, и возбуждали. Сева выскользнул из машины, пригнувшись, побежал вдоль ограды к вилле.

Все было спокойно. Он заметил пустой темный „Сааб“, припаркованный за виллой у дубовой рощицы. Наверху, за огромным голым окном, мелькнула тень. Длинные распущенные волосы, вскинутые тонкие руки. Рядом появился силуэт некрасивой мужской головы с толстой шеей и торчащими ушами. Сева понял, что они там и их всего двое.

Он бесшумно поднялся на высокое крыльцо, заглянул сквозь окошко в прихожую, легонько дернул запертую дверь, убедился, что держится она пока на соплях, на одной лишь задвижке, и побежал назад, к джипу.

Огонек свечи продолжал трепетать на третьем этаже. Две тени, мужская и женская, опять на миг появились в окне. Трое, вооруженные маленькими автоматами, подходили все ближе к вилле на краю пустыря. Они даже не пытались пригнуться, прижаться к ограде, шли спокойно, уверенно, предвкушая удовольствие, которое доставит им смертельно испуганная физиономия должника и отчаянный визг красивой, непременно голой девушки.

Быстрая очередь скосила всех троих у крыльца, в широком фонарном кругу. Стреляли сзади, из окна соседней виллы.

Бизнесмен был, конечно, натурой легкомысленной и даже романтической, но деньги свои считал аккуратно и точно знал, что троим товарищам в джипе ничего не должен. Ни цента. Правда, потерял всякую надежду объяснить им это по-хорошему. Альтернативы не было. Либо отдать, просто так, подарить весьма солидную сумму (а какого хрена, спрашивается?), либо убрать непонятливых товарищей. И он выбрал второе, ловко заманив трех профессионалов в примитивную, до обидного примитивную ловушку.

После сухого треска очереди стало страшно тихо. Трое остались лежать у крыльца. Чуть позже их аккуратно уберут из новенького, еще не заселенного поселка. Следов не останется. Покореженный джип с тремя трупами будет обнаружен совсем в другом месте.

Но пока стояла мертвая, жуткая тишина, и только в кармане одного из покойников жалобно, требовательно надрывался радиотелефон.

Перезванивал посредник. Посланный им в Выхино человек только что подтвердил неожиданное и смелое предположение. Объект был действительно там.

Посредник хотел сообщить, что если они прямо сейчас, сию минуту, отправятся в Выхино и доделают наконец свою работу, то получают деньги сразу. Причем вся сумма, учитывая выданный аванс, составит уже не тридцать тысяч долларов, а тридцать пять.

* * *

Только на четвертый день после Зинулиного отъезда Никита решился заняться уборкой. В раковине скопилась вся посуда, какая была у Зинули. Не осталось ни одного чистого стакана. По полу среди бела дня носились, как скакуны на ипподроме, тараканы всех размеров и мастей, от маленьких, угольно-черных, до огромных рыжих, с толстыми, как медная проволока, усищами. Никакой отравы для этой похрустывающей под ногами конницы Никита не нашел. Не было ни веника, ни приличной тряпки. Единственное пластмассовое ведро оказалось треснутым. К тому же кончались продукты.

Никита надвинул кепку до бровей и отправился в хозяйственный магазин. На улице, в неуютном панельно-сером районе, он опять почувствовал ледяное покалывание в солнечном сплетении. Мимо промчался черный джип, брызнул густой грязью. Спасибо, что неавтоматной очередью. Случайный прохожий, высокий белобрысый парень, уставился на него слишком пристально.

„Стоп, – приказал себе Никита, – расслабься. Выследить тебя здесь не могут. Вычислить – да. Но в этом случае никто не станет глазеть на улице. Просто придут и убьют, сразу, без шпионских предисловий“.

Он спокойно, в упор, уставился на парня, и тот отвел глаза. Они шли друг другу навстречу. Парнишка издали был чем-то похож на Никиту: рост, телосложение, цвет волос и даже тип лица. Правда, глаза его казались совершенно сумасшедшими, но Никита подумал, что у него самого, вероятно, взгляд не совсем нормальный. Наверное, именно поэтому случайный прохожий и смотрит на него с таким испугом. А может, тоже заметил сходство?

Нет, они не двойники, разумеется, но издали, при неярком освещении их вполне можно спутать. Это радует. Если так просто встретить на улице похожего человека, значит, он не слишком выделяется из толпы. Пустячок, но приятно.

Поравнявшись с парнем, он остановился, отметил про себя, что сходство – только иллюзия, на самом деле ничего общего, кроме роста и цвета волос, нет, и произнес:

– Простите, вы не подскажете, где здесь хозяйственный магазин?

Тот замер, зачем-то стал ощупывать карманы своей черной джинсовки, быстро, тревожно озираясь по сторонам. Улица была пуста. Ветер продувал ее насквозь, и у Никиты слетела кепка с головы, покатилась на мостовую. Он бросился поднимать, парень с зеркальной точностью повторил его движение, странно вскинул руку, прыгнул прямо на Никиту, словно хотел первым поймать его кепку.

И в этот момент раздался громкий смех, улица наполнилась детскими голосами, из-за угла показалась толпа школьников. Пятый или шестой класс местной школы возвращался, вероятно, с экскурсии или из бассейна.

Дети орали, кто-то все время выбегал из строя, две учительницы без энтузиазма покрикивали на них, пытаясь восстановить ровный дисциплинированный строй. Маленькая темно-волосая девочка в расклепанных брючках поймала кепку и, подняв высоко над головой, закричала:

– Эй, кто потерял?

– Я! – откликнулся Никита.

– Ленточки надо пришивать и бантиком завязывать, – хихикнула девочка, и вслед за ней рассмеялось еще несколько детей.

– Спасибо. – Он надвинул до бровей мятый козырек и обратился к одной из учительниц:

– Простите, где здесь ближайший хозяйственный магазин?

Ему стали подробно объяснять не только обе учительницы, но и дети, сразу все, хором. Он забыл о белобрысом молодом человеке и, разумеется, не взглянул ему вслед. А тот все оборачивался, потом пустился бежать.

В хозяйственном отделе огромного супермаркета Никита купил целую гору губок, щеток, швабру с навинчивающейся веревочной тряпкой, к ней специальное ведро для мытья пола, несколько тараканьих ловушек, набор моющих средств, в том числе стиральный порошок, и даже не забыл про резиновые перчатки. Пора было рискнуть, включить опасную для жизни стиральную машину.

В продовольственном набрал продуктов еще дня на три, кроме того, запаса с сигаретами, спичками, упаковкой одноразовых бритвенных лезвий. Побродил по супермаркету с наполненной доверху тележкой, размышляя, не забыл ли чего. Взгляд его упал на набор кухонных ножей. Он живо вообразил трогательную картину, как отбивается от убийц с автоматами этаким тесаком для разделки мяса, но все-таки купил дорогой набор. В любом случае Зинуле в хозяйстве пригодится.

Вернувшись, он включил старенький Зинулин магнитофон, поставил кассету с джазовыми композициями Армстронга и принялся за уборку. Вероятно, конура еще ни разу не подвергалась такой массивной атаке. К чему бы Никита ни прикасался, все жалобно скрипело, ныло, сыпалось, обваливалось.

С подоконника вместе с грязью слезла краска. В закутке, где помещались душ и унитаз, сорвалась вешалка для полотенец, выдернув с мясом дюбели из стены. Хлипкий книжный стеллаж из белорусской сосны завалился на бок с угрожающим треском, когда Никита вытаскивал книги, чтобы отмыть почерневшую древесину. Он попытался поправить эту пизанскую башню, но конструкция треснула на угловом стыке. К счастью, у Зинули в хозяйстве нашлись гвозди и молоток. Кое-как справившись с крошливой белорусской сосной, расставив книги по полкам, он сделал небольшой перерыв, сварил себе кофе, съел пару холодных пирожков с капустой.

На улице давно стемнело, пошел дождь. Никита распахнул настежь окно, жадно вдохнул влажный ночной воздух. День пролетел совсем незаметно. Он не успел сегодня поработать, и вряд ли хватит сил сесть за компьютер, когда с уборкой будет покончено. Ну и хорошо. Ему необходим был тайм-аут. Борьба с грязью дело нудное и неблагоприятное, однако отлично снимает нервное напряжение. Когда отмываешь засаленную электроплитку и чинишь книжный стеллаж, меньше всего думаешь о смерти.

...Люди в тайге под Синедольском, в основном женщины и подростки, вкалывали значительно тяжелее и тоже вряд ли задумывались о смерти. Наверное, они уже ни о чем не задумывались, до последней минуты не понимали, где находятся и что происходит...

Он выглянул в окно. За шиворот потекла струйка воды с крыши. Он машинально отметил про себя, что до водосточной трубы можно запросто дотянуться рукой. Значит, есть запасной выход. Последний, пятый, этаж. Можно по трубе вскарабкаться на крышу, можно и вниз. Перегнувшись через подоконник, он на всякий случай качнул трубу, проверяя, насколько прочно она крепится к стене. Да, пожалуй, выдержит, не отвалится.

Никита закурил, критически оглядел комнату и вспомнил, что должен еще запустить стиральную машину, иначе завтра нечего будет надеть. Новенькая, сверкающая „Вятка“-полуавтомат выглядела на фоне нищей рухляди как инопланетный корабль. Он загасил сигарету, вставил штепсель в розетку, открыл крышку машины. Его слегка ударило током. Он вспомнил про резиновые перчатки, разыскал, надел. Через минуту машина мерно загудела.

Провозившись еще пару часов, он почувствовал, что просто валится с ног. Дом затих, только храп соседа слева сотрясал тонкую стенку. Дождь лил все сильнее, колотил по крыше, грохотал в водосточной трубе. Небо прямо перед окном распорол длинная молния. Началась первая в этом году настоящая майская гроза, гром шархнул так, что сосед за стенкой пере-

стал храпеть. На несколько секунд стало совсем тихо, только дождь барабанил да мерно гудела стиральная машина.

– Достигает она когда-нибудь или нет? – пробормотал Никита. У него уже слипались глаза.

И вдруг погас свет. Зинуля предупреждала, что электричество выключают чуть ли не ежедневно. Но это случилось впервые. Никита на ощупь отыскал керосинку. Она оказалась пустой.

Заливать в темноте керосин в маленькую лампу из тяжелой канистры было неудобно, Никита много расплескал, на полу у окна образовалась здоровенная керосиновая лужа. Он стал искать тряпку на ощупь, задел ногой и опрокинул канистру.

Над головой что-то сильно загрохотало, сначала он подумал, что гром, но звук повторился, причем совсем близко. Было похоже на грохот жести, вероятно, порывом ветра снесло телевизионную антенну.

Окно выходило на пустырь, фонарей там не было, и в комнате висела сплошная, глухая темнота. Никита пытался на ощупь зажечь керосинку, фитиль ушел слишком глубоко, спичка догорела и обожгла пальцы. Хлопнула оконная рама, потом послышался тяжелый мокрый шлепок. Он справился наконец с фитилем, и в зыбком свете керосинки увидел у окна черный силуэт.

Никита был неплохой мишенью с горящей керосинкой в руке и, прежде чем сообразить что-либо, отбросил лампу. Звякнуло стекло, слабый огонек вздрогнул, отчаянно затрепетал. Черный силуэт метнулся в сторону света. Никита успел отпрыгнуть подальше. Еще шаг, и он мог бы спрятаться в закутке, в туалете, но все равно ненадолго. В голове мелькнуло, что единственный шанс сейчас – это попытаться выскочить в коридор, однако дверь заперта, а ключ заедает, и, пока он будет в темноте возиться с замком, убийца десять раз успеет сделать свое дело.

Очередная вспышка молнии осветила комнату. Убийца стал виден весь целиком, и Никита узнал его. Тот самый парень, который встретился ему сегодня днем и показался издали почти двойником.

Мокрые волосы потемнели и слиплись. С черной джинсовой куртки капала вода. Белое, с черными провалами глаз лицо уже совсем не напоминало Никите его собственное. В руке был зажат пистолет, и дуло смотрело прямо на Никиту. Он уже почувствовал, как пуля пробивает голову, как разрывается последней, чудовищной болью череп, и что по сравнению с этим придуманный им для своих героев космический щекотный холодок предчувствия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.